

ЮЛИУС ЭВОЛА
ГЕРМЕТИЧЕСКАЯ
ТРАДИЦИЯ

ЮЛИУС ЭВОЛА
ГЕРМЕТИЧЕСКАЯ
ТРАДИЦИЯ

МОСКВА
ВОРОНЕЖ
2010

TERRA
FOLIATA

ББК 87.8
УДК 7.01
Э 15

Эвола, Юлиус
Герметическая традиция. – Москва-Воронеж: TERRA FOLIATA, 2010.
– 288 с.

ISBN 987-5-87456-838-2

Книга, которую читатель держит в руках, представляет собой фундаментальное изложение теории и практики Царского Искусства, вышедшее из-под пера известного итальянского мыслителя и эзотерика барона Юлиуса Эволы. Она стала итогом многолетних исследований и практических занятий автора, объединив интегральный опыт его общения с представителями различных посвянительных организаций, собственных экспериментов и бездны прочитанной литературы. С присущей ему эрудицией и интуицией, характерной для аристократов крови и духа, Эвола рассматривает алхимию в широком контексте магических дисциплин и показывает подлинную суть Магистерия как реального инициатического пути, ведущего к освобождению от обусловленности человеческого существования и обретению царственного венца герметического адепта.

ББК 87.8
УДК 7.01

ISBN 987-5-87456-838-2 © Г. Бутузов, перевод, предисловие, 2010
© Д. Зеленцов, общая редакция, 2010
© С. Сокол, оформление обложки, 2010
© TERRA FOLIATA, издание на русском языке, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Бутузов. Белый плащ и путь Киновари	6
Предисловие	19
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СИМВОЛЫ И УЧЕНИЕ	
Введение. Дерево, Змея и Титаны	27
Глава 1. Множественность и двойственность цивилизаций	42
Глава 2. Живая природа	44
Глава 3. Герметическое знание	46
Глава 4. «Всеединство». Дракон Уроборос	49
Глава 5. Герметическое «присутствие»	53
Глава 6. Творение и миф	58
Глава 7. «Женщина», «Вода», «Меркурий» и «Яд»	61
Глава 8. Разделение. «Солнце» и «Луна»	65
Глава 9. Замерзшие Воды и текущие Воды	69
Глава 10. «Соль» и Крест	72
Глава 11. Четыре Стихии. Сульфур	74
Глава 12. Душа, Дух и Тело	77
Глава 13. «Четверица» в человеке	81
Глава 14. Планеты	86
Глава 15. Жизненные центры	91
Глава 16. Седьмица, операции Делания и Зеркало	96
Глава 17. Золото в Искусстве	100
Глава 18. Тень, угли и осадок	101
Глава 19. Философский инцест	107
Глава 20. «Могила» и «жажда»	110
Глава 21. Сатурн, или перевёрнутое Золото	115

Глава 22. Поле и семя	122
Глава 23. Меч и роза	125
Глава 24. Стебель, Вирус и Железо	131
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ГЕРМЕТИЧЕСКОЕ «ЦАРСКОЕ ИСКУССТВО»	
Введение. Реальность палингенеза	137
ГЕРМЕТИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ	
Глава 1. Разделение	147
Глава 2. Смерть и Работа в Чёрном	152
Глава 3. Испытание бездной	157
Глава 4. Полёт Дракона	160
Глава 5. Сухой путь и влажный путь	163
Глава 6. Герметическая аскеза	167
Глава 7. Путь Дыхания и путь Крови	171
Глава 8. Сердце и Свет	175
Глава 9. Обнажения и затмения	178
Глава 10. Жажда Бога и «едкие воды»	182
Глава 11. Путь Венеры и радикальный путь	187
Глава 12. Виды герметического Огня	192
Глава 13. Работа в Белом. Перерождение	196
Глава 14. Конъюнкция в Белом	199
Глава 15. Вечное бодрствование	202
Глава 16. Тело света. Получение Серебра	204
Глава 17. Рождение в Жизнь и бессмертие	213
Глава 18. Работа в Красном. Возвращение в Землю	219
Глава 19. Алхимические цвета. Умножение	226
Глава 20. Иерархия планет	232

Глава 21. Знание «Красного». Триединство	241
Глава 22. Пророческое знание	248
Глава 23. Четыре степени могущества	251
Глава 24. Трансмутация металлов	255
Глава 25. Соответствия, времена и ритуалы	262
Глава 26. Молчание и традиция	268
Глава 27. Невидимые Мастера	273

БЕЛЫЙ ПЛАЩ И ПУТЬ КИНОВАРИ

Предисловие переводчика

Утром 11 июня 1974 года, в самом центре Рима, на Корсо Витторио Эмануэле, что пролегает между Кампо деи Фьори и Пьяцца Навона, в доме под номером 197 парализованный пожилой человек попросил поднять его с постели и усадить в каталку. Он подъехал к письменному столу, стоящему у окна, за которым видна река, а вдали зеленеет вершина холма Яникул, и стал наблюдать за солнцем, совершающим круг над великим городом. Он знал, что это его последний день, и хотел встретить смерть, как подобает воину. Он не мог встать, но мог сидеть в своей колеснице, со своим главным оружием – пером и бумагой. Вскоре после того, как солнце начало клониться к западу, сердце старого воина замерло навсегда. Так закончил свой земной путь барон Юлиус Эвола, маг и философ.

Если вышеописанная сцена извлекла из струн вашей души несколько романтических или сентиментальных нот, лучше поменяйте строй. Ни для чего сентиментального, «душевного» или «гуманистического» не было места ни в жизни барона, ни в его произведениях. Он принадлежал духовной касте *киатриев* и прожил жизнь как воин; его повседневное существование вполне соответствовало кодексу Бедного Рыцарства Христова¹ с одной лишь оговоркой: барон не был христианином (хотя, как известно, упомянутый орден тоже не слишком преуспел в защите христианских паломников).

На победном карнавале духовной профанации, политических, оккультных и философских химер, под музыку которых начал своё шествие XX век, всё же были мыслители, способные противостоять его основным направляющим силам, несмотря на исторические катаклизмы и перипетии личной судьбы, кои продолжали указывать пальцем на ложные ценности и фальшивых пророков, даже когда объекты их указания принимали форму замкнутого вокруг них кольца; их было немного, и одной из самых заметных фигур на этом островке негибемого духа стал Юлиус Эвола. Для тех, кто впервые открывает книгу данного автора, я хотел бы повторить слова, каковыми он предварял многие свои работы: «Эта книга не для всех». Язык изложения в произведениях Эволы ясен и точен, структура вполне акаде-

¹ Официальное название Ордена Тамплиеров (*Pauperes Commilitones Christi Templique Salomonis*).

мична; в определённом смысле они представляют собой учебники. Что же тут «не для всех»? Содержание. Если вспомнить, что книги являют собой духовную пищу, то блюда, предлагаемые Эволой, многим могут испортить желудок надолго. Очень трудно определить тот тип читателя, для которых его работы станут настоящим откровением или даже в корне изменят их жизнь и мировоззрение (чему за последние полвека было несколько ярких примеров); можно сказать только одно: данный тип человека является в современном обществе скорее исключением, чем правилом. Он внутренне принадлежит другому миру, даже если не помнит об этом, и книги Эволы способны оказать на него действительно магический эффект – как напоминание, далёкая знакомая песня, прохладное дуновение в лицо страннику, уснувшему на острове сирен. И указание дороги тем, кто уже приоткрыл глаза.

Творчество Юлиуса Эволы, в целом представляющее собой не просто набор написанных в разное время и по разным поводам книг, но символ, как он эксплицитно признал в своей автобиографии,ⁱⁱ лучше рассматривать, начиная именно с *Герметической традиции*. Предшествующая ей работа *Теория и феноменология абсолютного индивидуума* была закончена в 1924 году,ⁱⁱⁱ по словам самого Эволы, являясь спекулятивным философским трудом, она служила своего рода «философским введением в нефилософский мир, имеющим значение в качестве того редкого случая, когда современная философия открывает путь глубокому экзистенциальному кризису».^{iv} Можно ли представить себе, чтобы «абсолютный индивидуум», скажем, занял кресло университетского преподавателя? Как всякий нормальный буржуа, был поглощён ипотечными выплатами, ремонтом гаража, неверностью супруги и при этом, приходя по утрам на работу, рассказывал студентам об абсолютной свободе? Комичность данной ситуации стала ясна Эволе с самого начала, и следующий его шаг оказался совершенно логичным: к удивлению тех, кто прочил ему «будущее» в качестве профессионального философа (как Бенедетто Кроче), и тех, кто высказывал опасения по этому же поводу (как Рене Генон), он отказался от каких-либо дальнейших спекулятивных построений и обратился к инициатической практике, то есть к тому, что выходит за пределы философии и чему положения его философской системы служи-

ⁱⁱ J. Evola, *Il Cammino del Cinabro*, Scheiwiller, Milano, 1972, с. XIV.

ⁱⁱⁱ Опубликована позднее в двух томах (*Teoria e Fenomenologia dell'individuo assoluto*, Bocca, Torino, 1927, 1930).

^{iv} *Il Cammino del Cinabro*, с. III.

ли фактически пролегоменами, причём имеющими смысл постольку, поскольку человек испытывает необходимость в таком предисловии: «что касается тех, кто уже находится на другом берегу, подобная философская пропедевтика в терминах «современной мысли» является совершенно излишней».^v

Последующий период вплоть до публикации *Герметической традиции* в 1931 году ознаменовался для Эволы рядом важных знакомств и встреч, значение которых для всего его последующего творчества стало определяющим, а их анализ окажется гораздо более полезен для понимания мировоззрения барона, чем события, составляющие «биографию» человека в обычном смысле этого слова. Естественно, упоминание о Рене Геноне будет излишним; знакомство с ним вызвало у Эволы буквально «органическое переорождение» всего его существа и, по сути, ознаменовало для мыслителя начало пути как последователя Традиции. Однако в рамках данной статьи для нас важно отметить, что знакомством этим он обязан Артуру Регини, весьма интересной и во многом недооцениваемой фигуре итальянского традиционализма, человеку, чьё влияние на круг интересов Юлиуса Эволы в указанный период трудно переоценить.

Артуро Регини родился 12 ноября 1878 года во Флоренции, в аристократической семье. Его философская (в изначальном значении этого слова) биография началась в юности, когда он поступил в университет города Пизы на факультет математики. Как-то раз к нему подошёл незнакомый студент, высокий и худощавый, который сообщил, что Регини избран кандидатом на посвящение в тайную пифагорейскую школу, носящую название *Schola Italica*. Незнакомца звали Амедео Арментано (1886-1966), он был известен во Флоренции как блестящий философ, при этом обладающий сверхъестественными психическими способностями. Как позднее вспоминал сам Регини, благодаря Арментано он прошёл посвящение в самом полном смысле данного слова и перешагнул порог смерти буквально, а не в качестве условной церемонии. В 1896 году Регини познакомился в Риме с Изабеллой Купер-Оукли, послом Е.П. Блаватской в Италии, а два года спустя, будучи двадцатилетним молодым человеком, стал одним из основателей Теософского Общества в этой стране. Однако вся дальнейшая жизнь Артуро Регини прошла под знаком масонского братства.

В 1902 году Регини (конечно, по рекомендации Арментано) вступил в Орден Мемфис и Мицраим, а в 1903-м стал членом Великого Востока Ита-

^v Ibid.

лии. Через два года, на основе флорентийского отделения Великого Востока, Регини и несколько других братьев создали Ложу Люцифера. В 1908-м в составе группы «диссидентов», руководимых священником-протестантом, Регини официально порвал с Великим Востоком, объяснив свой уход несогласием с материалистической и политизированной направленностью этой организации; мятежная группа основала свою ложу со штаб-квартирой на Пьяцца дель Жезу в Риме. В составе новой организации Регини предпринял попытку объединить расколотое масонство под эгидой возврата к духовным корням братства и учредил Итальянский Философский Устав. Его градусы представляли собой смесь элементов пифагорейства и гностицизма. Однако деятельность организации была прервана Первой мировой войной (Регини, как и Эвола, принимал участие в боевых действиях); позднее, в 1919 году, Философский Устав слился с Великой Ложей Шотландского Устава, и в дальнейшем к идее реформации братства Регини стал относиться с большой долей скепсиса, хотя оставался верен масонским идеям до конца.

Следует сказать несколько слов об истории итальянского масонства. Первая ложа была основана в 1730 году во Флоренции при участии Чарльза Сэквилла, графа Миддлсекского, Сэра Чарльза Манна и Генри Фокса. Именно связи с английскими протестантами стали причиной издания Папой Климентом XII в 1738 году буллы *In Eminenti*, запрещавшей католикам участие в ордене. Об этом документе сам Регини писал следующее: «Следствием папского запрета стало враждебное отношение к масонам во многих странах, и тогда братству пришлось принять форму тайного общества в качестве необходимой самообороны. Тем не менее, оно никогда не было сектантским, а его ритуалы всегда отличались терпимостью, широтой взглядов и независимостью».^{vi} Великий Восток Италии был организован в 1859 году. В 1864-м во Флоренции состоялся первый Конгресс Вольных Каменщиков Италии, на котором Великим Мастером был избран Джузеппе Гарибальди. Это произошло в разгар так называемого *Risorgimento*, то есть «возрождения», фактически представлявшего собой буржуазную революцию в самом точном смысле данного слова и в гораздо большей степени, чем Революция Французская. В тогдашние времена масонство стало весьма привлекательным для среднего класса; кроме того, вполне вероятно, оно служило единственным средством объединения сторонников таких разных направлений, как монархисты, республиканцы, ведомые Мадзини, и «краснорубашечни-

^{vi} Цит. по: D.L. Thomas, “Arturo Reghini: a modern Pythagorean”, *Gnosis Magazine*, Summer 1997, p. 59.

ки» Гарибальди. В итоге к концу XIX века братство оказалось, по сути, инструментом правящей верхушки и, утратив свою независимость и демократичность, превратилось в постоянную мишень для упреков в ангажированности и коррупции. Судя по всему, именно этот фактор лёг в основу того отрицательного отношения к масонам, которое Муссолини выказывал в период своей деятельности в Социалистической партии, и каковая враждебность вновь всплыла на поверхность, когда он уже был фашистским лидером – несмотря на то, что среди фашистской элиты были члены масонских лож.^{vii} Однако следует отметить, что несмотря ни на какие политические перипетии и весьма пессимистическую общую картину, в итальянском масонстве всегда оставалось сильно эзотерическое направление, корни коего уходят в далёкое прошлое, на много веков предшествующее официальному началу масонского движения в этой стране. Сохранились упоминания, что в период царствования Елизаветы I Сэр Томас Бодли был посвящён в пифагорейское братство *Fratelli Obscuri* в североитальянском городе Форли. Это братство предположительно происходило от пифагорейских обществ Константинополя и Фессалоник, чьи представители бежали на Аппенины в годы падения Византийской империи. И этот пример не единственный; в Италии имелись и другие отделения греческих инициатических организаций, существование которых в данной стране связано с гильдиями, а затем с масонством. Таким образом, претензии Мемфиса и Мицраима на связь с подлинной пифагорейской традицией имеют под собой действительные основания (следует также напомнить, что у истоков ордена стоял Калиостро).

После переезда в Рим Регини внимательно следил за развитием политических событий, являясь сторонником Муссолини и его партии; он приветствовал образование фашистского правительства в 1922 году, поскольку считал, что это приведёт к окончательному и бесповоротному объединению нации, о чём ему так мечталось; кроме того, он также надеялся, что его пифагорейская школа воспитает в рамках масонства новую итальянскую элиту. В этот период и произошло его знакомство с Юлиусом Эволой.

В Риме Регини начал издавать журналы *Atanyr* (1924) и *Ignis* (1925), посвящённые Традиции и вопросам эзотерических учений. В одном из первых номеров *Атанора* была опубликована статья Эволы “La Potenza come valore metafisico” («Сила как метафизическая величина»), посвящённая Тан-

^{vii} По иронии судьбы, после окончания Второй мировой войны, именно этот факт стали использовать для нападок на масонство представители левой и католической прессы.

тре, что указывает на обоюдный интерес Эволы и Регини к этому учению, о чём мы ещё скажем далее. Благодаря усилиям Регини первые публикации *Эзотеризма Данте (L'Ësoterisme de Dante)* и *Царя мира (Le Roi du Monde)* Генона увидели свет в Италии ещё до их официального издания во Франции (в 1925 и 1927 гг. соответственно). В те времена идейная связь Генона, Регини и Эволы была особенно крепка – их объединяет переписка, личное общение, совместные публикации и планы.

Тучи стали сгущаться два года спустя, когда в Италии вышел декрет, согласно которому член фашистской партии не мог быть масоном. Муссолини начал сближение с католичеством, и один из религиозно-ориентированных журналов тут же опубликовал жёсткую статью против ордена, обосновывая свои нападки тем, что братство интернационально, а значит, не представляет интересы итальянского народа. В ответной статье Регини указывал на важную роль, которую масонство сыграло в *Risorgimento*, а также в становлении фашизма. Однако единственным эффектом этого стало его окончательное и бесповоротное зачисление в ряды диссидентов и противников существующего режима. Друг и инициатор Регини, Арментано понял всю безнадёжность ситуации и отбыл в Бразилию. Позиция Эволы оказалась двойственной: с одной стороны, барон был противником сближения с католической церковью, по пути которого пошёл Муссолини, с другой – к его негативному восприятию масонства, кое он считал прерогативой низших каст, прибавились политические мотивы, и в этом, по сути, он поддержал правительство. В ноябре 1925 года в Риме и других городах начались настоящие репрессии против масонов; вскоре все ложи были распущены, а их штаб-квартиры закрыты. В 1928-м Регини оказался отовсюду уволен и мог зарабатывать на жизнь только частными уроками математики. В течение последующего года отношения между ним и Эволой неуклонно ухудшались, в основном на почве взглядов на роль масонства (свою позицию Эвола окончательно сформулировал в книге *Il Mistero del Graal* семью годами позднее), что привело к бесповоротному разрыву между ними и распаду группы «Ур».

Как мы уже упоминали выше, 1924 год ознаменовался для Эволы и Регини интересом к учению Тантры. Человеком, сыгравшим в этом ключевую роль, переписку с которым Эвола вёл в течение нескольких последующих лет, был Сэр Джон Вудроф (1865-1936), известный под псевдонимом Артур Авалон. Сэр Джон, старший сын Джеймса Тисдэлла Вудрофа, Генерального Адвоката Бенгалии (т.е. юрисконсульта Британской Короны по военному праву в регионе), также одно время члена Правительства Индии, получил образование в Оксфорде, каковой закончил с дипломом бакалавра гражданского права,

после чего отправился в колонии и с 1890 года начал работать адвокатом в Верховном Суде Калькутты. Здесь и произошло событие, повлиявшее на его дальнейшие занятия и представляющее интерес для нашего изложения. Согласно воспоминаниям Джона Мамфорда, однажды утром в суде Сэр Вудроф пытался разобраться с одним не слишком сложным делом, однако никак не мог сосредоточиться на представленных ему документах. Через некоторое время слуга сообщил ему, что в приёмной сидит садху-тантрика, нанятый стороной обвинителя, и читает *мантру, затуманивающую мысли*. Сэр Вудроф вышел в приёмную и увидел вымазанного золой садху, сидевшего на полу и тихо напевавшего на санскрите. Он попросил охранника вывести подозрительного посетителя, после чего мысли Сэра Вудрофа немедленно прояснились. С этого дня Тантра заинтересовала его настолько, что в течение последующей жизни он перевёл и очень грамотно откомментировал около двадцати классических тантрических текстов, написал несколько имеющих значение и по сей день исследований Тантры и послужил источником знания в этой области для многих учёных, оккультистов и подлинных посвящённых, среди которых следует назвать и Юлиуса Эволю. Его активная переписка с Сэром Вудрофом в середине двадцатых годов, во-первых, послужила принятию Эволю многих тантрических принципов в качестве основы его метафизики (что видно уже из письменной полемики с Геноном, возникшей после публикации труда *Человек и его становление согласно Веданте*),^{viii} и, во-вторых, способствовала написанию им нескольких статей, посвящённых Тантре,^{ix} а затем и книги,^x являющейся, на наш взгляд, одной из лучших западноевропейских работ на данную тему. В связи с этим следует отметить, что, хотя рассматриваемая нами *Герметическая традиция* и не содержит ссылок на тантрические источники, моменты, характерные для указанной школы духовного Делания, в ней отчётливо прослеживаются.

Согласно признанию самого Эволю, в период подготовки книги наибольшее влияние на него оказали исследования Артуро Регини и публикации, появившиеся в то время в геноновском журнале *Le Voile d'Isis*^{xi} (в начале двадцатых годов в нём вышли работы по алхимии Жолливе-Кастело, Ку-

^{viii} R. Guignon, *L'Homme et son devenir selon le Vedānta*, Editions Traditionnelles, 1925.

^{ix} Вторая статья "L'Uomo come Potenza" также была написана для журнала Регини (*Atanyr*, 1926).

^x J. Evola, *Lo Yoga della Potenza*, Bocca, Milano, 1949.

^{xi} См. *Il Cammino del Cinabro*, с. VIII.

тюра, Делобеля, Сен-Жермена). При этом Эвола умалчивает о ряде других событий и влияний, кои, тем не менее, стоят того, чтобы их проследить. Мы уже упоминали Сэра Вудрофа, о котором Эвола весьма тепло отзывается во многих местах; однако кроме него и Регини в годы создания *Герметической традиции* у Эволы были и иные учителя, о каковых он не распространяется явно по причине их нежелания себя афишировать. Дабы установить их идентичность, нам придётся обратиться к истории группы «Ур».

В начале 1927 года Артуро Регини, его друг и ученик Джулио Паризе (1902-1970) и Юлиус Эвола организовали магическую группу, целью которой было собрать вместе ранее накопленный опыт, привлечь квалифицированных людей в различных городах, образуя «магические цепи», и ежемесячно публиковать результаты «магических исследований». Группа получила название «Ур», каковая фонема встречается и в халдейских, и в руническом памятниках (в первом случае она означает «огонь», во втором – «бык», а также созвездие Овна). Поскольку достаточно сложная и заслуживающая отдельного исследования история этого предприятия выходит за рамки данной статьи, мы остановимся лишь на тех моментах, кои имеют непосредственное отношение к изысканиям Эволы в области алхимии и, следовательно, к представляемому нами произведению.

Прежде всего следует отметить, что в состав группы «Ур» входили несколько человек, одновременно являющихся членами ордена *Fratellanza Terapeutica Magica di Myriam*,^{xii} основанного Чиро Формизано, более известного под псевдонимом Джулиано Креммерц (1861-1930). Ренато дель Понте в статье «Эвола и магическая группа «Ур»^{xiii} пишет, что, согласно некоторым устным свидетельствам, глава отделения «Ур» в Генуе был членом Братства Мириам, однако никаких документов на этот счёт не сохранилось, и личность этого человека до сих пор не установлена. Однако мы знаем имена двух других членов данного ордена, принимавших участие в работе группы «Ур» и имевших самое прямое отношение к идеям, изложенным в *Герметической традиции*. Один из них – Эрколе Квадрелли, участник «Академии

^{xii} Есть основания считать, что Братство Мириам является продолжателем подлинной языческой традиции, сохранившейся вне связи с масонством или какими-либо другими европейскими инициатическими или псевдоинициатическими организациями. Этот орден по сей день носит подлинно эзотерический характер, поскольку ядро учения самым строгим образом охраняется от посторонних.

^{xiii} Опубликована в *Studi e documenti per servire all storia di "Ur-Krur"*, Sear Edizioni, Borzano, 1994.

Виргилия», учреждённой Креммерцем, о коем – в отличие от других её представителей – ничего не известно, кроме того, что он имел отношение к самому эзотерическому ядру Братства Мириам. Квадрелли был, вне всяких сомнений, знатоком европейской алхимии высочайшего уровня, о чём можно судить хотя бы по его переводу и комментариям к классической работе *Chymica Vannus*, приписываемой Монте-Снидерсу.^{xiv} Он консультировал Эволю в вопросах алхимии и публиковал статьи в журнале *Upr* под псевдонимом Абракасас. В частности, его перу принадлежит блестящее эссе «Знание Вод», вошедшее в первый том *Introduzione alla Magia*. Другой, не менее загадочной и не менее важной фигурой, является Франческо Олива, католический священник, также имевший доступ ко внутренним документам Братства Мириам и обладавший глубокими познаниями в области алхимии, причём не только европейской.^{xv} Их взаимоотношения с Эволой были настолько доверительными, что падре Олива предоставил ему в пользование закрытый «Документ D», который Эвола цитирует в своей работе.

В числе других влияний следует упомянуть знакомство Эволю с представителем индийской школы алхимии Нараяной Свами Айяром Шияли, состоявшемся в конце 1929 года. Нараяна Свами предоставил ему дополнительную информацию об использовании некоторых химических субстанций, каковые соотносятся с разными алхимическими путями в соответствии с Раса-Видья. Эвола также опубликовал его эссе под названием «Трансмутация человека и металлов» в третьем томе *Introduzione alla Magia*. Помимо этого, в конце двадцатых годов Эвола активно занимался изучением даосской алхимической традиции и выполнил перевод на итальянский работы Лу Куан Юя, опубликованный намного позднее.^{xvi}

Наконец, последней биографической деталью, которую хотелось бы привести, является малоизученный и упоминаемый самим Эволой лишь вскользь^{xvii} эпизод (точнее, эпизоды – их несколько), когда он инкогнито служил послушником в монастыре Шартра, монастыре кармелитов и бенедиктинском монастыре старого обряда, что имело место начиная с 1930 года.

Приведённые выше факты, которые, казалось бы, носят чисто «исторический» характер, на самом деле могут помочь понять позицию Эволю, с ка-

^{xiv} Впервые издана лишь в 1982 году (Arché, Milano).

^{xv} См. Jacopo da Coreglia, “Julius Evola alchimista”, *Arthos*, No 16, Novembre 1977 – Marzo 1978, pp. 48-51.

^{xvi} J. Evola, *Lo Yoga del Tao – Alchimia e Immortalita*, Roma, 1975.

^{xvii} *Il Cammino del Cinabro*, с. VIII.

ковой он подошёл к написанию *Герметической традиции*, а также определить место этой книги в европейской алхимической литературе. Как мы видим, Эвола имел возможность посмотреть на герметика с точки зрения последователя пифагорейской школы Артуро Регини (коя, вероятно, наиболее соответствует «основному руслу» европейской алхимии), с точки зрения тантрика, с точки зрения древней латинской магической школы, каковую представляет Братство Мириам, а также с точки зрения христианской эзотерики и даосской алхимической традиции. Как показывает даже самый беглый взгляд на библиографию его труда, Эвола рассматривал алхимию в контексте других магических дисциплин; в частности, он много ссылается на классическую работу Корнелия Агриппы *De Occulta Philosophia*. Также велико число ссылок на сочинения христианского мистика Якоба Бёме и на классический индуистский текст царского посвящения *Бхагават-Гита*. Однако существует произведение, вероятно, оказавшее на него наибольшее влияние среди всех остальных письменных источников – редкая работа итальянского автора Чезаре делла Ривьеры *Магический мир героев*.^{xviii} Это, несомненно, заслуживающий самого пристального внимания труд, по непонятным причинам игнорируемый современными исследователями, представляет алхимическое делание именно в аспекте царской инициации, причём с упором на философию неоплатоников, что в точности отвечает духу Эволы. Иным, не менее редким и не менее интересным автором, которого часто цитирует Эвола – естественно, помимо традиционных алхимических авторитетов, вроде Артефия, Василия Валентина и Фламея, – является другой алхимик XVII века: Джованни Брачческо, каноник из Брешии, последователь Гебера.

Итак, если абстрагироваться от сложившейся в Европе, начиная с периода Ренессанса, традиции (точнее, обычая) связывать алхимические работы с профанной химией и её системой взглядов, а также с христианской теологией и иудейской Каббалой, то можно увидеть, что представленная Эволой концепция Великого Делания является наиболее «интегральной» и близкой к подлинной герметической традиции из всех работ современных ему авторов, идентичность которых известна. Его книга уникальна в том отношении, что эксплицитно представляет читателю верхнюю иерархическую составляющую алхимии, духовное Делание, как основу (согласно Традиции, основа всегда находится сверху, а не внизу иерархической лестницы), лишь *частным случаем* проявления коей является «лабораторное дела-

^{xviii} Cesare della Riviera, *Il Mondo Magico degli Heroi*, Mantua, 1603; Milano, 1605. См. также: Л. Охотин, «Орион или заговор героев», *Элементы*, №5, 1994, с. 42.

ние» и трансмутация химических элементов – равно как и всякое другое применение алхимических достижений на феноменальном плане. «На самом деле, – пишет Эвола в автобиографии, – речь идёт об инициатической науке, представляемой под маской химии и металлургии. Субстанции, о которых говорится в алхимических текстах, представляют собой символы сил и принципов, действующих в человеческом существе... Что же касается второстепенных аспектов, то и в самом деле, возможно эффективно повлиять на материю и, в конечном итоге, трансмутировать металлы; однако способами, совершенно отличными от современной науки и технологии, ида, так сказать, «внутренним путём» и основываясь на сверхнормальных способностях, обусловленных реальным внутренним преобразованием адепта – но всё-таки, в первую очередь, опираясь на *Искусство*».^{xix}

Понимание Эволой традиционной символики и её приложений в области герметики является на редкость глубоким и универсальным. Интересно, что Карл Юнг был очень высокого мнения о книге Эволы, неоднократно приводил из оной цитаты и ссылался на неё, как на «детальное описание герметической философии».^{xx} При этом необходимо отметить, что, высмеивая буквальное восприятие алхимических текстов в качестве неких «химических рецептов», Эвола крайне отрицательно отзывался о попытках профанной психологии интерпретировать древнее Искусство в своих спекулятивных терминах: это, по его убеждению, стало ещё более опасным заблуждением, чем восприятие алхимии в качестве «зачаточной» химии. Он неоднократно высказывался в подобном духе и посвятил детальной критике избранного Юнгом подхода несколько объёмных статей.^{xxi} Надо отдать должное его дальновидности и пониманию в этом отношении, поскольку, как показывает время, подавляющее большинство людей, отказавшихся от спагирической (или «архимической») трактовки Великого Делания, воспринимают именно юнгианскую концепцию алхимии как единственно возможную альтернативу – таким образом, фактически «бросаясь из огня да в полымя», в точности, как сказал о том автор *Герметической традиции*.^{xxii} Что же касается оценки работы Эволы его друзьями и со-

^{xix} *Il Cammino del Cinabro*, с. III.

^{xx} См., напр., К.Г. Юнг, *Психология и алхимия*, Москва, 1997, с. 248.

^{xxi} См., напр., «L'Esoterismo, l'inconscio, e la psicanalisi» (в кн. *Introduzione alla Magia*, III); «Critica della psicanalisi» (в кн. *Maschera e volto dello spiritualismo contemporaneo*, Roma, 1971).

^{xxii} См. ч. II, Введение.

ратниками, она оказалась далеко не однозначной. Рене Генон воспринял публикацию данной книги в свете своей трактовки герметической доктрины, как проявления «восстания кшатриев» и постановки во главу угла «малых мистерий», к каковым он относил алхимический адепнат. В своей пространной рецензии на *Герметическую традицию* он отметил глубину проведённого Эволой исследования и обоснованность выбранного им подхода, но подверг сомнению саму валидность герметики как самостоятельного учения: «Теперь возникает лишь один вопрос: составляет ли всё, понимаемое под именем «герметика», законченную традиционную доктрину? Ответ может быть только отрицательным, поскольку речь идёт о знании исключительно космологического и никак не метафизического порядка (хотя и понимаемого в своём двойственном приложении как «микрокосмическое» и «макрокосмическое»)». ^{xxiii} Однако полемика между Эволой и Геноном, основанная на неоднозначной оценке ими двух основных типов посвящений – царского и священнического – и затянувшаяся на десятилетия, выходит за рамки данной вводной статьи (хотя к этому важнейшему вопросу мы непременно вернёмся впоследствии). Для тех же, кто смотрит на алхимию как на реальный инициатический путь, ведущий к освобождению от обусловленности человеческого существования, достаточно того факта, что этой работе не было адресовано ни одного упрека в предвзятости или некомпетентности – ни со стороны критиков традиционного подхода к герметическому учению, ни со стороны его сторонников, ни со стороны представителей существующих школ практического Делания.

Герметическая традиция стала итогом многолетних исследований и практических занятий автора, объединив в двух своих частях – которые озаглавлены, соответственно, «Теория» и «Практика» – интегральный опыт его общения с представителями различных инициатических организаций, собственных экспериментов и бездны прочитанной литературы. Как мы сказали в самом начале, с данной работы начался период творчества Эволы, прошедший под знаком царского посвящения и затрагивающий все основные инициатические традиции, существующие в современном мире; при этом алхимия, как *царственный путь par excellence*, стала символом всей жизни барона, что однозначно отражено в самом названии его автобиографии *Путь Киновари*, вышедшей сорок лет спустя.

^{xxiii} R. Guignon, *Formes traditionnelles et cycles cosmiques*, Gallimard, 1970, p. 122.

В 1930 году Эвола опубликовал предварительные результаты своей работы в виде статьи, озаглавленной «Учение о трансмутации в средневековой герметике»;^{xxiv} она и легла в основу книги, в 1931-м опубликованной издательством «Laterza». Указанное издание, в свою очередь, было переработано в 1948 году и затем заново отредактировано Эволой для «Edizioni Mediterranee» в 1971-м. На основе этой последней версии *Герметической традиции*, вышедшей при жизни автора, выполнен представляемый вам перевод.

Следует отметить, что весьма важную помощь в публикации книги оказал Эволе Бенедетто Кроче. В архивах «Laterza» сохранилась переписка, в которой видна важная посредническая роль этого итальянского философа. Издатель несколько раз фактически отказывает Эволе в публикации на том основании, что предполагаемая книга «будет малоинтересна публике, поскольку сложна для понимания и перенасыщена ссылками». Только настойчивость Кроче всё-таки позволила данному предприятию увенчаться успехом, причём в самый короткий срок.

С нашей стороны, мы хотим посвятить русский перевод этой важной работы памяти профессора Петербургского университета Евгения Алексеевича Торчинова, а также редактора Лидии Николаевны Козьменко, с которыми мы первоначально планировали данную публикацию, и каковые планы помешала осуществить их смерть.

Глеб Бутузов

^{xxiv} *Bilychnis*, No 275.

Предисловие

В настоящей работе мы используем термин «герметическая традиция» в том специальном значении, каковой тот обрёл в период Средневековья и Ренессанса. Он не будет соответствовать греко-египетскому культу Гермеса, а также отсылать *исключительно* к учению, представленному в александрийских текстах *Герметического Свода*. В том смысле, который мы придаём ему в данном труде, герметизм глубинно связан с *традицией алхимической*. Таким образом, объектом нашего исследования является именно герметико-алхимическая традиция; мы попытаемся определить подлинную суть и дух этой тайной доктрины, имеющей научный и в то же время практический и действенный характер, доктрины, во всей цельности сохранённой греками и переданной арабам, доктрины, коя, благодаря своим текстам и их авторам, смогла дожить до нашего времени.

С самого начала следует указать на заблуждение тех историков науки, что хотя свести алхимию к обычной химии на инфантильном и мифологическом этапе её развития. Подобные представления вступают в противоречие с утверждениями наиболее значимых герметических авторов, откровенно призывающих читателя не вводить себя в заблуждение буквальным восприятием, поскольку их слова принадлежат тайному языку символов и аллегорий.¹ Эти же авторы без устали повторяют, что «цель нашего бесценного Искусства сокрыта», что операции, о которых мы говорим, не осуществляются руками, что «стихии», о коих идёт речь, невидимы и отличны от вульгарных. Кроме того, они презрительно отзываются о «суфлёрах» и «сжигателях угля», «разрушающих Науку», от чьих действий «нельзя ожидать ничего, кроме дыма», и обо всех тех невежественных алхимиках, которые, вследствие собственного непонимания, в своих экспериментах направились по их пути, только и доступному современному человеку. Настоящие алхимики всегда подчёркивали необходимость соблюдения определённых эти-

¹ См. жёсткое заявление Артефия по этому поводу (*Livre d'Artiphis* в *Bibliothèque des Philosophes Chimiques*, Paris, 1741, II, p. 144): «Разве не известно достаточно хорошо, что Искусство наше каббалистично? Что открывается оно только устно и изобилует тайнами? Несчастный глупец! Как можешь ты быть столь наивен и верить, что станем мы учить тебя открыто и ясно самой великой и важнейшей из наших тайн? Я заверяю всех, кто пытается понять в обыденном и буквальном смысле слов написанное Философами, что окажутся они в лабиринте, из которого им никогда не выбраться, ибо не ведёт их нить Ариадны».

ческих и духовных условий для совершения Делания, а также наличия *живой* связи природы, всего того, что «химично», с миром герметических идей, гностицизмом, неоплатонизмом, Каббалой и теургией. Наконец, отдельными недомолвками они подсказывают тем, «у кого достаточно ума» для понимания, что, к примеру, алхимический Сульфур представляет «волю», как о том заявляют Василий Валентин и Пернети; что «дым» – это «душа, отделённая от тела», как говорит Гебер; что «мужественность» составляет тайну «Мышьяка», как открывает нам Зосима; и многое другое.

Стало быть, посредством ошеломляющего разнообразия символов «Сыны Гермеса» умудряются сказать *одно и то же*,² и гордо повторяют: «Quod ubique, quod ab omnibus et quod semper».³ Якоб Бёме открыл нам аксиому, на которой зиждется герметика, это уникальное знание, эта традиция, претендующая на универсальность и первичность: «Не существует никакой разницы между рождением в Вечности, возвращением в Эдем и получением Философского Камня».^{4,5} Значит, мы имеем дело с мистическим течени-

² См., напр., Гебер, *Livre du Mercure Oriental* (в Berthelot, *La chimie au Moyen Age*, Paris, 1893): «В реальности, существует согласие между авторами, в то время как непосвящённым кажется, будто между ними имеются расхождения». Также у Пернети (*Fables Égyptiennes et Grecques dévoilées*, Paris, 1786, I, p. 11): «Все герметические Философы согласны меж собой, ни один не противоречит принципам другого. Тот, кто писал тридцать лет назад, говорит так же, как тот, кто жил двумя тысячелетиями ранее. Что характерно, они не уставали повторять аксиому, которую Церковь отметила как самую непоколебимую истину из всех, кои нам предлагает вера: «Quod ubique, quod ab omnibus et quod semper». Ещё яснее в этом вопросе *Turba Philosophorum*, один из наидревнейших и наиболее цитируемых западных герметико-алхимических источников (см., напр., текст в *Introduzione alla Magia*, Roma, 1971, II, p. 245): «Заметьте, что каким бы образом ни высказывались [герметические Философы], природа едина, и все они находятся в согласии друг с другом и все говорят об одном и том же. Но невежды принимают наши слова буквально, не понимая, что и почему. Вместо этого им следует подумать, разумны ли и естественны ли наши слова, и затем только принимать их [как они есть]: и если нет в них смысла, им следует порассудить о том, каково было наше намерение, вместо того чтобы следовать букве. Но знайте, что бы мы ни говорили, мы находимся в согласии между собой. Поэтому изучайте нас всех вместе, так как у кого-то может быть разъяснено то, что у другого остаётся скрытым; тот же, кто усердно ищет, найдёт всё».

³ То же повсюду, всегда и у всех народов (лат.). – Прим. пер.

⁴ *De Signatura Rerum*, гл. 7, §72.

⁵ В немецком оригинале работы Бёме приводится «... der Wiederbringung nach dem Falle...», что я счёл адекватным перевести как «возвращение в Эдем». – Прим. пер.

ем? Но если так, зачем тогда маскировка и «герметическая тайна»? Придерживаясь трактовки «мистицизма», принятой на Западе начиная со времён классических Мистерий и особенно после прихода христианства, следует отметить, что это не мистицизм; как мы покажем далее, герметика суть *подлинная наука*, в которой реинтеграция с первоначальным состоянием не несёт никакого «морального» значения, но является конкретным и онтологическим фактом, каковому сопутствуют определённые сверхъестественные силы, проявлением коих, *в том числе*, может быть пресловутая трансмутация металлических субстанций.

Эта особенность герметического процесса составляет *первую* предпосылку для скрытности. Только лишь по внутренним техническим причинам, а совсем не из показных или монополистических соображений, наука такого рода всегда и везде должна сохранять инициатическую тайну и выражать себя посредством символического языка. Но есть ещё вторая предпосылка, каковую можно понять, лишь учитывая фундаментальные постулаты общей метафизики истории. Герметико-алхимическое знание вполне справедливо определяется как «сакральная наука», однако наименование, характеризующее его наилучшим образом, – это *Ars Regia*, то есть *Царское Искусство*. Сегодня всякому изучающему то разнообразие духовности, кое возникло в так называемые исторические времена, известно о наличии фундаментальной оппозиции, каковую мы можем свести методом аналогии к противоречию между *царским* и *священническим*.⁶ «Царскую» инициатическую традицию, в своей чистой форме, следует рассматривать в качестве наиболее прямой и законной линии, восходящей к единой изначальной Традиции.⁷ В менее отдалённые времена она предстаёт перед нами в своём героическом варианте, то есть как реализация и победа, обусловленные мужскими качествами, соответствующими воину на духовном плане. Но, с другой стороны, существует священническая традиция в узком смысле слова, обладающая свойствами, отличными от первой, а иногда противоположными ей, – что особенно заметно, когда, доведённая до профанации в своей теистической

⁶ Это противоречие легло в основу расхождений взглядов Эволы и Рене Генона, резко критически воспринявшего выход *Герметической традиции*. – Прим. пер.

⁷ Чтобы лучше понять основные черты Традиции и первоначального состояния, «героев» и т.п., необходимо обратиться к нашему труду *Rivolta contra il mondo moderno* (3а ed., Edizioni Mediterranee, Roma, 1961), а также к концепциям и книгам Рене Генона. См. также нашу работу *Maschera e volto dello spiritualismo contemporaneo* (3а ed., Edizioni Mediterranee, Roma, 1971).

культовой форме, она выступает против того, что мы именуем «героической» версией царской традиции. Если смотреть на это второе проявление традиции в свете того, что мы символически называем первоначальной «божественной царственностью», она предстаёт как нечто рассыпавшееся на части, из которых сентиментальные, эмоциональные, теологические и мистические составляющие – особенно на Западе – постоянно одерживают верх, оставляя эзотерические элементы в почти полной темноте.

Нет ничего случайного в том, что сегодня герметико-алхимическая традиция именуется Царским Искусством и выбрала Золото в качестве своего центрального царского и солнечного символа, отсылающего нас к первоначальной Традиции. Такая традиция, по сути, выполняет функции хранителя света и благородства, не сводимых к религиозно-священническому видению мира. И если в ней говорится не о *поисках* золота, как в других мифах, а о его *изготовлении*, это лишь указывает на то, насколько важным стал героический момент в вышеозначенном смысле завоевания и преобразования. Таким образом, мы теперь можем легко понять вторую предпосылку маскировки доктрины. После падения Римской Империи Запад в своих определяющих принципах начал следовать другой традиции, в которой эзотерическое измерение почти полностью деградировало, уступив место доктрине «спасения», олицетворяемого неким «Искупителем». В подобных обстоятельствах герметики, в отличие от других инициатических организаций, кои проистекают из руслу той же тайной царственной традиции, вместо того, чтобы выйти на поле сражения, избрали путь маскировки. Так Царское Искусство стало алхимическим искусством превращения неблагородных металлов в золото и серебро. Благодаря этому оно было свободно от подозрений в ереси и даже начало восприниматься как одна из форм «натурфилософии», не пересекающаяся с вопросами веры; более того, среди верных католиков – от Раймонда Луллия и Альберта Великого до аббата Пернети – мы встречаем загадочные фигуры герметических Мастеров.

В более узком смысле, оставляя в стороне замечания западных алхимических авторов, что в своих произведениях они используют разные кодовые языки, в которых одни и те же вещи и операции обозначаются по-разному, не подлежит сомнению, что алхимия – это не только европейский феномен. Существуют, например, индийская алхимия и алхимия китайская. И всякий, кто хоть немного знаком с данной темой, знает, что символы, «материи» и основные операции в них соответствуют друг другу; кроме того, соответствия эти одновременно имеют место в структуре как физической, так и метафизической науки, как во внутреннем, так и во внешнем. Их наличие

объясняется тем, что концепции, однажды воспринятые в соответствии с общим и «традиционным» взглядом на мир, жизнь и человека, вполне закономерно приводят к одним и тем же результатам, даже в случае узкотехнических проблем, подобных металлической трансмутации. Итак, пока эта традиционная концепция сохраняется – даже лишь как остаток в цепи безжизненных философских и логических преобразований, по отношению к которым разница между Востоком и Западом минимальна в сравнении с разницей между Традицией и «современным» мировоззрением, – мы видим, что алхимию признают и практикуют выдающиеся духовные учителя, мыслители, теологи, «натурфилософы», правители, императоры и даже понтифики; изучение дисциплины такого рода не считалось несовместимым с самым высоким духовным и интеллектуальным уровнем.

Алхимическая традиция таинственным образом распространилась не только во времени на пятнадцать веков европейской истории, но и в пространстве на несколько континентов – как на Восток, так и на Запад.

Нашей работой мы не стремимся убедить не желающих убеждаться, но сможем снабдить точками опоры тех, кто прочтёт её без предубеждения. С другой стороны, если кто-то согласится пусть даже с одним-единственным из наших выводов, он, без сомнения, не сможет отрицать её важность. Это подобно открытию новой земли, о существовании которой никто не подозревал; земли странной, тревожной, населённой духами, металлами и божествами, чьи лабиринты и фантазмагории понемногу концентрируются в единой светлой точке: «мифе» о «расе без царей», расе «свободных»,⁸ «повелителей Змеи»⁹ и Матери», как возвышенно говорят о том герметические тексты.

⁸ Ни в коем случае не следует понимать это утверждение в современном или даже ренессансном значении. Согласно Эволе, люди традиционного общества являлись свободными в смысле полного отсутствия принуждения, так как поддержание и защита существующего миропорядка выступали в качестве их естественной духовной потребности. Законы чести и рыцарского долга были священны и имманентны человеческому бытию: люди могли «делать, что хочется» безо всяких ограничений, поскольку их желания в принципе не могли нарушить гармонию общества (см., напр., *Rivolto contro il mondo moderno*, с. 12). – Прим. пер.

⁹ Здесь и далее во многих местах Эвола использует именно «la Serpe», а не «il Serpente». Такая нестандартная форма существительного в этих случаях выбрана с целью подчеркнуть женский аспект данного образа (каковой, кстати, преобладает в алхимической символике в противовес привычному библейскому «Змию»). – Прим. пер.

Не считая Предисловия, цель коего – прояснить, что же именно мы подразумеваем под «героическим» выражением царской традиции, настоящая работа состоит из двух частей: первая посвящена герметическому символизму и учению, вторая – практике.

Ограничения настоящего издания заставили нас опустить некоторые цитаты из греческих, латинских и арабских источников и сохранить лишь самое существенное. Мы также постарались быть ясными насколько возможно. Однако у читателя не должно оставаться иллюзий: данная книга требует скорее *изучения*, нежели простого чтения. По указанной причине, после того, как он получил общее представление о предмете, следует вернуться назад и пройти ещё раз по тем концепциям и символам, которые невозможно понять в отдельности от остального, шаг за шагом, чтобы исчерпать все их возможные значения. С нашей стороны, мы можем уверить читателя, что в этой книге он сможет обрести основу для дальнейшего изучения разнообразных герметико-алхимических текстов, какими бы загадочными они ни казались. Кроме того, мы утверждаем, что в разделе, посвящённом практике, содержится гораздо больше, чем кажется на первый взгляд, если только читатель пожелает на *своём опыте* узнать ту реальность и те возможности, о которых говорят «Сыновья Гермеса». Во всяком случае, в других наших работах¹⁰ мы предоставили всё необходимое для того, чтобы, интегрируя их с содержанием сей книги, обрести действенную духовную связь с метафизическими и надысторическими составляющими герметической традиции.

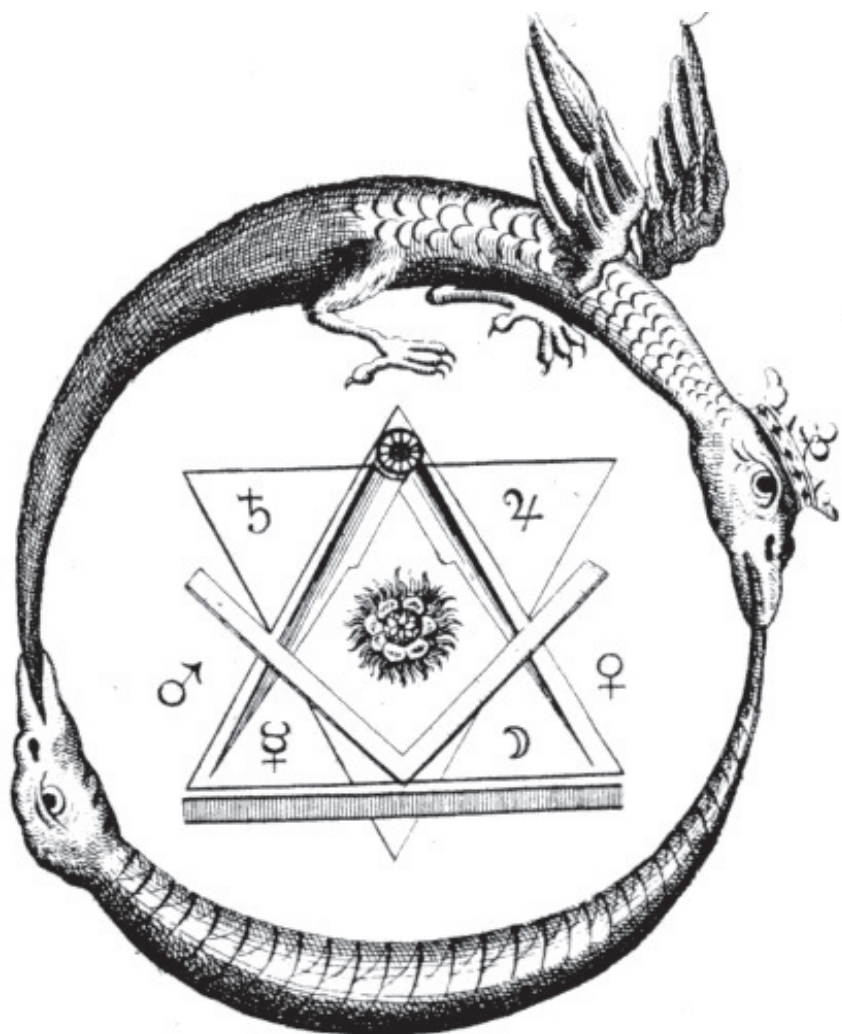
¹⁰ См. три тома коллективной работы *Introduzione alla Magia*, 3a ed., Edizioni Mediterranee, Roma, 1971.

ПРОМО-ВЕРСИЯ!

Страницы 25-134 недоступны.

<http://www.terrafoliata.ru>

**ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
ГЕРМЕТИЧЕСКОЕ
«ЦАРСКОЕ ИСКУССТВО»**

Введение. Реальность палингенеза

Прежде чем перейти к практическим деталям «Царского Искусства», нам следует в точных терминах определить характер его *реальности*.

Проведение аналогий при помощи мистических и религиозных выражений вроде «смерть и воскрешение», «перерождение», «умерщвление» и т.п. приводит к заблуждениям, довольно далеко уводящим от сущности Искусства, поскольку подобные аналогии апеллируют к некоей «морали», к чему-то туманно-спиритуалистическому или же «мистическому».

На самом деле, до некоторой степени все люди склонны разделять подобную точку зрения, рассуждая об упомянутых терминах. Но мы уже отметили в самом начале, что факт извечной и ненарушаемой сокрытости герметической доктрины, даже в периоды, когда говорить о палингенезе в «мистическом смысле» не являлось ересью, указывает на то, что в реальности речь идёт о чём-то совершенно ином: о чём-то, в себе самом содержащем закон *молчания*, который так строго соблюдался в языческих Таинствах.

Указания на происхождение герметической традиции от первичного «царственного» или «героического» источника (см. Предисловие) уже самого по себе достаточно для объяснения её скрытности в период главенства христианства. Но это не единственная причина. Существует ещё одна, заключающаяся в максиме: «Мудрец своей мудростью не должен тревожить ум невежды». На сию максиму следует в особенности обратить внимание в период, когда «невежды» составляют подавляющее большинство.

Чтобы дать этому разъяснение, мы должны вернуться к уже упомянутому фундаментальному традиционному учению о *двух природах*.

Существует природа бессмертных и природа смертных; высшая область «тех, кто есть», и низшая область тех, кто проходит «становление». Мысль, что обе ветви изначально пребывали в единстве (в соответствии с Гесиодом, «один род людей, другой род богов; оба они происходят от одной матери») и что данная дихотомия является следствием падения одних и вознесения других, – согласно гераклитовой концепции бога «как бессмертного человека» и человека как «смертного бога», – не меняет характер указанной дифференциации как сущностной и имеющей *двойственную* природу.

Переход от одного состояния к другому считался возможным, но скорее как исключение, и требующим сущностной, действенной и позитивной трансформации одного состояния существования в другое. Такая трансформация достигалась через *инициацию* в самом строгом смысле сего слова. Посредством инициации некоторые люди могли вырваться из одной приро-

ды и достичь другой, перестав в результате быть людьми. Их прибытие на план другого рода существования представляло на этом новом плане событие, в точности равноценное физическому рождению.

Таким образом, те, кто претерпел подобную трансформацию, родились заново. Точно так же, как физическое рождение предполагает потерю сознания высокого уровня, так и смерть вызывает утрату сознания низкого уровня. В результате в той мере, в которой потеряно сознание высшего уровня (в соответствии с условиями, кои мы уже обсуждали) и в той мере, в какой проявляется «идентификация» (самоотождествление), в той же мере потеря сознания низшего (человеческого) уровня, вызванная смертью и дезинтеграцией опоры такого сознания (т.е. тела), ведёт к потере *всего* сознания в личностном смысле. Состояния вечного сна, личиночного существования в Гадесе, растворённости, кои мыслятся как судьба тех, для кого эта жизнь и формы, ею принимаемые, составляют начало и конец всего человеческого, под силу избежать только тем, кто ещё при жизни научился направлять своё сознание в высшие миры. Инициаты, Адепты смогут дойти до конца пути. Обретя «память» – *бнбмнеуйт* – согласно Плутарху, они освобождаются, разбивают цепи и одевают царские венцы, они празднуют «мистерии» и воспринимают тех, кто не посвящён и «нечист», как ползающих в грязи и во тьме.³⁶¹

Говоря по правде, традиционное учение о *post mortem* всегда чётко разграничивало выживание и бессмертие. Следует рассматривать выживание того или иного человеческого принципа или комплекса как модальность, в известной степени условную. Но это не имеет никакого отношения к бессмертию, кое может мыслиться только как «олимпийское бессмертие», как «превращение в бога». Данная концепция превалировала в западном мире вплоть до греческой античности. Из доктрины «двух природ» прямо следует

³⁶¹ См. Stobaeus, *Flor.*, IV, 107. В соответствии с *Герметическим Сводом* (XXII, 3) [В ссылке, приводимой Эволой, опечатка или неточность: отрывок, каковой, очевидно, имеется в виду, – XII, 9. – Прим. пер.], человек может *надеяться* на бессмертие. Там также говорится, что не все человеческие души бессмертны, а только те, что стали *демонами* [Речь идёт о *дбймици*, а не о христианских злых духах. – Прим. пер.] (X, 7, 19). Решающим фактором является уровень идентификации с ними. Пифагор признавал, что «душа в некоторых случаях может становиться смертной, если позволять Эриниям, то есть страстям, управлять собой, и способна достигать бессмертия, если избавится от влияния Эриний, то есть опять-таки страстей» (Hippolitus, *Philosophumena*, VI, 26).

знание судьбы и смерти, знание личиночного и сомнительного выживания для одних и обусловленного (инициацией) бессмертия для других. Вульгаризация и злоупотребление обобщением истины, предназначенной только для посвящённых, – вульгаризация, начавшаяся с некоторых дегенерировавших форм орфизма и затем развитая христианством, – привела к рождению странной идеи «бессмертной души», распространившейся затем на все души в целом. С того момента и до сегодняшнего дня эта иллюзия сохраняется в виде разнообразных форм религиозной и «духовной» мысли – будто бы душа смертного бессмертна, словно бессмертие есть *определённость*, а не проблематичная возможность.³⁶²

После того, как ложное мнение укрепилось, извратив таким образом истину, инициация больше уже не представлялась необходимой; с этого времени её ценность как реальной и действенной операции перестала восприниматься с должным пониманием. Понемногу все истинно трансцендентные возможности были забыты. Теперь если кто-то и говорит о «перерождении», то под ним подразумевается не более чем некий sentimentalный факт неопределённого «мистического» состояния, имеющий лишь моральное или религиозное значение.

Трудно предполагать после стольких веков господства сего заблуждения возможность чего-то *иного*, и то, что одни считают безусловным, а другие – пустой надеждой, на самом деле является привилегией, даруемой тайным и священным Искусством; в равной мере бесполезно пытаться объяснить, что в операциях Искусства – так же, как в детерминистском мире материи и энергии, – мораль, вера, набожность и тому подобные вещи малоэффективны для преодоления бренности человека. «Следует быть подобным богам, а не добрым людям. Следует не освобождать себя от греха, но трансформировать себя в бога – в этом заключается цель»,³⁶³ как сказал Плотин.

³⁶² Что касается христианства, оно в своих истоках представляет аспект *трагической доктрины спасения*, в определённой степени сохранившей отголоски древней истины, выраженной в той идее (доведённой Лютером и Кальвином до крайности), что земной человек стоит посередине между вечным спасением и вечным проклятием.

³⁶³ *Эннады*, 1.2.6-7 [Эвола приводит не цитату, а скорее сжатое резюме. У Плотина в оригинале так: «Достигнув этого, мы станем без греха, но наша задача не стать безгрешными, но стать Богом... Не Добру, а Богам нам следует уподобиться. Подражать добрым людям – значит создавать образ образа; мы же должны смотреть выше, чем образ, и следовать высшему Примеру». – Прим. пер.]

Заявлять относительность всего составляющего религию, спекулятивную и человеческую мораль с точки зрения *реальности*, трансцендирующей все моральные построения,³⁶⁴ говорить о Боге как о символе *другого* состояния сознания, говорить об ожидании Мессии как о *melior spes*,³⁶⁵ питаемой искателями посвящения, или же говорить о «воскрешении плоти» как ещё одним символе регенерации тех принципов в организме, каковые могут проявиться ещё при жизни, – все подобные попытки ныне оказываются совершенно безрезультатными. Как же избежать самой прискорбной двусмысленности, используя те же слова и символы в их изначальном значении? Гораздо лучше говорить о Меркурии и Сульфуре, о металлах, загадочных субстанциях и невозможных операциях; пусть уж лучше они возбуждают любопытство и жадность «суфлёров» и «сжигателей угля», положивших начало современной химии; и тем более лучше оберегать всех остальных от подозрений, что эти необычные и энигматические аллюзии представляют собой металлургическую символику в приложении к духовным вещам, и притворяться, что,

³⁶⁴ Относительно профанических дисциплин в арабском алхимическом источнике говорится следующим образом: «Тот, кто знает [нашу] Науку даже поверхностно и заслуживает при этом быть одним из её адептов, превосходит всякую душу, пусть даже наиболее выдающуюся во всех других науках. В самом деле, любой человек, получивший образование в какой бы то ни было области знаний, но который не уделит времени, чтобы изучить хотя бы один из принципов Делания, будь то в теории или на практике, обладает низкой интеллектуальной культурой. Всё, на что он способен – это сочетать слова, комбинировать фразы и определения в своём воображении и заниматься исследованием вещей, не имеющих самостоятельного существования, но кажущихся ему существующими в действительности» (*Livre du Mercure Occidental*, СМА, 3:214). Даже Аристотель, считающийся «самым выдающимся из непросветлённых», не может сравниться с теми, кто достиг бестелесного состояния (Сирийские тексты, СМА, 2:264). В *Герметическом Своде* (XVI, 2) также сказано: «У греков, о, царь, есть только пустые изречения для достижения убедительности, а в действительности вся их философия – только пустой звон слов. Что касается нас, мы употребляем не простые слова, но звуки, *преисполненные магического действия*» [У Эволы последняя фраза звучит как «...la gran voce delle cose», то есть «великий голос вещей»; эта неточность не является принципиальной, так как под «звуками, преисполненными магического действия» в александрийском герметизме подразумеваются египетские божественные имена, которые представляют собой активные сущности в противовес демонстративному логосу греческой философии, и с известной долей приближения могут быть названы «вещами». – Прим. пер.]

³⁶⁵ Надежда на лучшее (лат.) – Прим. пер.

напротив (как верят и сегодня позитивные мыслители, пишущие историю науки), сие есть не более чем мистическая аллегория металлургии и науки, имеющей дело с вещами естественными и профанными и противостоящей суверенитету веры и догмы.

Как нам кажется, основываясь на этом, мы можем понять уместность тайны и даже высказать сожаление, что она не была достаточной для того, чтобы воспрепятствовать в нынешнее время определённым «спиритуалистским» интерпретациям алхимии, которые, ни в малейшей степени не исправив безобидные заблуждения историков науки, перенесли их на мистико-моралистический план и даже в область аналитической психологии,³⁶⁶ – то есть сделали ещё хуже, бросив читателя из огня да в полымя.

В противоположность этому (а мы уже много говорили о свойствах «вульгарных» металлов и о том, что они собой представляют – см. ч. I, гл. 20), тот, кто положительно считает всякую душевную и духовную способность обусловленной и определённой эмпирическими факторами (органическими, наследственными, окружения и т.д.) и кто после ницшеанского нигилизма пришёл к идее относительности всех ценностей так же, как и к наибольшему из отречений, – «отречению от веры», – вероятно, такой человек сегодня в большей степени предрасположен к пониманию того, как следует приступать к герметической и инициатической работе.

Здесь «перерождение» не является ни сантиментом, ни аллегорией, но конкретным фактом, который человек, не прошедший через Таинство, в принципе не способен понять. К его истинному смыслу, как справедливо отмечает Маккиоро,³⁶⁷ можно прикоснуться, только отказавшись от каких-либо мистико-религиозных концепций и обратившись к тому, что ещё сохранилось среди примитивных народов мира в качестве остатков высших первоначальных учений. «Для них, – пишет Маккиоро, – палингенез – не аллегория, но действительность, причём настолько реальная, что её часто рассматривают как материальный и физический факт. Целью Таинства является не научить, но обновить индивидуума. Тут нет необходимости аргументировать или навязывать обновление: палингенез просто происходит и всё».³⁶⁸ Если присутствуют необходимые условия для возникновения

³⁶⁶ Именно это психоаналитик К.Г. Юнг систематически осуществил в своей работе *Психология и алхимия* на основе концепций «бессознательного», «проекции бессознательного» и тому подобных.

³⁶⁷ V. Macchioro, *Eraclito*, Bari, 1922, pp. 119-120.

³⁶⁸ *Ibid.*

некоего физического феномена, оный феномен непременно возникнет; аналогичным образом, когда созданы необходимые условия для инициации, перерождение будет иметь место с той же достоверностью и так же независимо от каких-либо ценностей. Подобное происходило и в ходе Элевсинских Мистерий, насколько можно об этом судить: если преступник получал инициацию, он обретал бессмертие, в то время как Агесилай или Эпаминонд,³⁶⁹ не приняв посвящение, после смерти не смогли бы найти лучшей участи, чем обычный смертный. Если в те времена только Диоген был возмущён этой идеей, то какое количество невежд сегодня готово ему подражать! С другой стороны, те, кто отказался от нереалистических концепций бестелесного и кто, в то же время, способен рассматривать дух как объективную силу – силу активную, реагирующую, понуждающую, определяющую и определённую – не смогли бы найти ничего более противного природе, чем, скажем, если бы мы сегодня подвергли Агесилая, Эпаминонда и какого-нибудь бандита воздействию тока высокого напряжения, и тот пощадил бы первых двух по причине их *добродетели*, а казнил бы только преступника.

Таким образом, для герметического Искусства, так же, как и для любой другой инициации – восточной или западной, – характерно обращать индивидуума от «человеческих» ценностей к проблемам духа в терминах *реальности*. Но затем индивидуум оказывается в состоянии конфронтации со своим телом, являющимся фундаментальной узловой точкой, где сходятся все условия, определяющие его состояние. Рассмотрение связи между эго-принципом,³⁷⁰ его двойниковыми формами сознания и действия, телесностью (в полном смысле этого термина), а также *трансформации* выше-названной связи посредством чётко определённых, эффективных и необходимых операций, хоть и внутренних по сути, составляет сущность Царского Искусства герметических Мастеров. Последнее направлено, прежде всего, на завоевание принципа бессмертия, а затем устойчивой природы, уже более не той брэнной, на элементах и функциях каковой основывается человеческая манифестация в мире становления. Фламель говорит: «Наше Делание заключается в изменении и превращении одной сущности в другую,

³⁶⁹ Агесилай II – царь лакедемонян (398-361 гг. до Р.Х.); Эпаминонд (ок. 418, Фивы – 362 до н. э., Мантинея) – древнегреческий полководец. – Прим. пер.

³⁷⁰ В оригинале у Эволы «il principio-io». Следует отличать этот термин от «il principio Io», который в русском варианте представлен как «принцип «Я». – Прим. пер.

одной вещи в другую, слабости в силу... телесного – в духовное».³⁷¹ Гермес добавляет: «Измени природу, осуществи превращение и получишь то, что ищешь».³⁷²

Нам остаётся изучить сами операции, которые технически составляют Великое Делание.

³⁷¹ Flamel, *Le Désir Désiré*, ch. VI [Эвола, вероятно, цитирует по памяти. У псевдо-Фламеля это звучит так: «Истинно, что в нашем Искусстве мы сначала делаем из одной грубой Вещи тонкую, то есть Тело мы превращаем в Воду; затем из сей влажной Вещи мы делаем сухую, то есть превращаем Воду в Землю: таким образом мы превращаем и изменяем Природу. Из Вещи телесной мы делаем Вещь духовную, а из духовной – телесную». – Прим. пер.]

³⁷² Ibid.

ПРОМО-ВЕРСИЯ!

Страницы 144-166 недоступны.

<http://www.terrafoliata.ru>

Глава 6. Герметическая аскеза

В греческой алхимии можно найти основные условия сохранения чистоты сердца и тела, правоты, бесстрастия, отсутствия алчности, зависти и эгоизма. «Развивающий эти качества, – говорит Липпман,⁴³⁷ – является достойным, и только достойный получит свою долю милости свыше; в наиболее глубоких закоулках души, в подлинных мечтах и видениях, его ум откроется для понимания Великой Тайны египетских жрецов... которую они передавали только устно и в энигматической форме, чтобы «обмануть демонов» и сделать Священное Искусство лёгким, как детская игра». У Зосимы: «Усмири тело и утихомирь страсти: если ты сможешь поддерживать такое состояние, то привлечёшь к себе божественные сущности».⁴³⁸ «Будь чист от женщин, – учит сирийский текст, – очисти себя от всякого духовного и телесного недостатка и дай добровольный обет».⁴³⁹ Другие требуют мудрого и проницательного гения, чьё тело не имело бы изъянов, которые бы помешали ему действовать, сохраняя трезвость суждения и ясность духа, искренность и естественность, а также свободу от всяких помех.⁴⁴⁰ В одном александрийском папирусе нас предостерегают против демона Офиока, «чинящего препятствия на нашем пути... навлекая то нерадивость, то страх, то неожиданность, а иногда уныние и несчастья, стремясь заставить нас отказаться от Магистерия».⁴⁴¹ Согласно Геберу,⁴⁴² препятствия возникают из-за естественной слабости соответствующих органов оператора или оттого, что «дух полон фантазий и легко переходит от одного мнения к другому, прямо противоположному; или потому, что он не знает точно, чего хочет, и не может принять решение». Среди высказываний на кодовом химическом языке часто упоминается необходимость создания совершенного баланса между всеми принципами бытия, очищенными и усиленными («ректифицированными») – баланса, позволяющего достичь *центра* «Я», лишь отталкиваясь от которого алхимические операции могут принести успех.⁴⁴³

⁴³⁷ E.O. Lippman, *Entstehung ьber Ausbreitung der Alchemie*, Berlin, 1919, p. 341.

⁴³⁸ *CAG*, II, 84.

⁴³⁹ *CMA*, II, 1.

⁴⁴⁰ Arnaldo da Villanova, *Rosarium*, I, 5; R. Lull, *Theor. Test.*, с. XXXI.

⁴⁴¹ *Leiden Papyrus X* в Berthelot, *Intr. a l'ūtude ecc.*, cit, p. 19.

⁴⁴² См. Geber, *Summa*, *BCC*, I, 520; *BPC*, I, 90.

⁴⁴³ См. Geber, *Livre des Balances* (*CMA*, II, 147): «Равновесие Природ является неотъемлемой частью Науки Баланса и практики Делания».

Аналогичные условия можно найти и в работах современных авторов: это великое равновесие физического и интеллектуального; состояние совершенной *нейтральности*, которое такой баланс порождает; здоровье тела, без appetitов и желаний, в ладах с самим собой, с другими и с окружающим миром; полное владение животной оболочкой с целью превратить её в послушного слугу психодинамического авторитета, свободного от любых препятствий; освобождение от всего, от чего необходимо освободиться – в таких выражениях Креммерц излагает герметическое приготовление.⁴⁴⁴ Элифас Леви многократно предупреждает нас, что следует использовать для упражнений каждый час и каждый момент: надо избавить волю от всякой зависимости и приучить её к господству; следует стать абсолютным хозяином себя самого, научиться отказывать удовольствиям, голоду и сонливости, сделаться безразличным как к успеху, так и к поражению. Жизнь должна стать прямым выражением воления мысли, внутренняя природа обязана *подчинить свои органы духу* и, по принципу симпатии, соответствующие им универсальные силы. Все способности и все чувства должны принять участие в Делании – ничто не может оставаться незадействованным. Следует предохранить подлинный дух от опасности галлюцинаций и страха, а значит, необходимо очистить себя и внутренне, и внешне.⁴⁴⁵

Алхимики учат, что нечистоты, кроме Земляных (тело), бывают также Огненными, и что необходимо удалить не только землястые частицы, но в равной мере и *горючие*.⁴⁴⁶ Речь идёт об инстинктивных и импульсивных элементах личности: враждебность, раздражительность, огненная страсть – всё это формы вульгарного и нечистого Сульфура, определяемые во взаимоотношениях с телесной природой.⁴⁴⁷ Мы фактически видим, что тонкая человеческая форма, телесная жизнь-медиатор между Душой и Телом, состоит

⁴⁴⁴ G. Kremmerz, *La Porta Ermetica*, 1905; *Avviamento alla Scienza dei Magi*, Spoleto, 1929; *Commentarium*, n. 4-5-6-7, 1921.

⁴⁴⁵ E. Livi, *Dogma e Rituale dell'Alta Magia*, trad. it., Todi, 1921, pp. 243-245, 264, 271, 279-280.

⁴⁴⁶ Geber, *Summa*, 1.IV: «То, что следует удалить из несовершенных Тел, поскольку иначе их не довести до совершенства, это... излишний Сульфур и нечистая Земля».

⁴⁴⁷ См. Pernetz, *Dictionnaire*, pp. 245-246: «Внешний Сульфур, сжигаемый и отделяемый от истинной субстанции металлов [то есть вульгарное эго], душист внутренний и подавляет его активность; смешивая свою нечистоту с загрязнениями Меркурия [в значении ☿], он производит несовершенные металлы».

из двух элементов, один из которых подчиняется теллурическим влияниям ☿, другой – влиянию сульфурному ♁: очищение требует нейтрализации их обоих, а значит, необходимо приготовление, уменьшающее и землистость, и горючесть. В отношении данной идеи я мог бы порекомендовать обратиться к Геберу и Альберту Великому, излагающим её более полно, хотя, как правило, и неудобопонятным кодированным языком.⁴⁴⁸

В общем, следует различать два вида загрязнений, «проказы» или «болезни металлов»: один называют подлинным, от которого можно излечить только эффективным разделением (с телесным состоянием), другой – стихийный и четверичный – непосредственно является материалом для работы сухого пути. Отрицательные качества должны быть стабилизированы в духе по аналогии с четырьмя Стихиями; как лечение предписывается нечто вроде их взаимопреобразования одного в другое. Излишняя Вода высушивается и активируется Огнём; Огонь (вульгарный) ослабляется до той степени, когда он теряет способность к горению или «броскам гадюки», в зависимости от характера изменения состояния; затем он должен быть заморожен и

⁴⁴⁸ Geber, *Summa*, III, §§1, 2 (BCC, pp. 540-541): «Сульфур, или Мышьяк [всегда следует помнить об омонимии: «мышьяк» также означает «мужественность»], который он напоминает, содержит в себе те же две причины испорченности и нечистоты, каковыми является, с одной стороны, горючая субстанция, с другой – отбросы, или землистое загрязнение» [Неточная ссылка; отрывок, приводимый Эволюй, – это пересказ *Summa perfectionis*, II, p. I, c. 2. – Прим. пер.]. Отбросы, добавляет он, затрудняют переплавку и взаимопроникновение (что является растворением фиксированного с целью достижения того, чему фиксированность препятствует); горючая субстанция не может противостоять Огню (эмоции, импульсы, замешательство, поднимающееся из глубины) и, следовательно, не способно обеспечить фиксацию (то есть поддерживать главенство «Я» как *Негорючего Сульфура*). Меркурий также имеет две формы загрязнений: нечистую землистую субстанцию (тело) и излишнюю летучую влагу или водянистость (желание или неустойчивость), испаряющуюся под воздействием Огня, но без горения (это растворение в отрицательном смысле в ходе разделения, в то время как здесь должно действовать, напротив, активное качество, т.е. «горючесть»). Альберт Великий (*Compositum de Compositis*, c. I) говорит о Сульфурных модусах бытия, два из которых составляют нечистоты (горючие и водянистые), тогда как третий отделяют от других и сохраняют: «очищенный разделением, он даёт только чистую субстанцию, содержащую активную силу, пригодную для совершенствования и наиболее приближённую к металлу». Таким образом осуществляется обнажение центрального ядра ☉ или ♁ оператора.

приведён к тонкому и едкому свойству Воды.⁴⁴⁹ Землистое качество, которое делается «пористым» и истончённым, следует преобразовать в Воздух; наконец, неуловимое, диффузное и подвижное качество Воздуха необходимо коагулировать и зафиксировать в одной компактной форме, каковой является Земля. Основываясь на этом, Гебер указывает на частности и процедуры, имеющие ценность «лекарства» для каждого из семи металлов.⁴⁵⁰ Здесь имеет место целая серия положений, указывающих на приспособливание, декомпозицию, повторное приспособливание и трансформацию психических сил и действий, которые дух должен соответственно применить по отношению к себе самому. На сухом пути следует подчинить дисциплине чувства, волю и мысль – всё сверху донизу. Внутренняя и внешняя аскеза упрощает и усиливает принцип «Я»; сия великая сила, коя была пробуждена в центре, воздействует на мысль и воображение, подчиняет их себе и контролирует, ограждая от всех влияний, каковым они подвергаются, пересекая нижний порог сознания. Это ментальное господство в свою очередь реагирует на страсти и аффекты, успокаивает внутреннюю сущность, очищает, проясняет и утончает восприятие. Таким образом, через ☿ открывается путь к «Я» ☉ вплоть до ☿. Если более не обнаруживается помех и препятствий в уме, сердце или восприятии и были удалены все причины изменений и тревог, его действие может обратиться к Меркурию или жизненному принципу непосредственно в контакте с телом ☿ и, благодаря изоляции периферической чувствительности, попытаться получить разделение и экстракцию. Затем, после выхода за пределы эквивалентных состояний обычного человека, таких как сон, сновидения или летаргия, в конце концов, впереди забрезжит Свет.

⁴⁴⁹ См. *Livre de El Habir (CMA, III, p. 105)*: «Как способна слабость сдерживать силу? Это возможно, поскольку слабость только мерещится таковой – на поверку она оказывается сильной, сильнее, чем всё, что выглядит сильным... То, что сопротивляется Огню, сильно только с виду, тогда как другое, летучее и кажущееся таким слабым, на самом деле сильнее». Тут следует вспомнить, что Лао-Цзы сказал в аналогичном случае по поводу тонкого и непобедимого свойства воды.

⁴⁵⁰ Geber, *Summa*, I, iii, §§V, IX, X, XII. Семь металлов можно интерпретировать как символы типов человеческого характера, для каждого из которых адаптировано согласно его природе соответствующее «лекарство», то есть метод.

ПРОМО-ВЕРСИЯ!

Страницы 171-174 недоступны.

<http://www.terrafoliata.ru>

Глава 8. Сердце и Свет

В герметике, как и в физиологии, *сердце* и кровь взаимосвязаны, и операции трансформации и отвода крови сосредоточены в сердце. В центре Креста стихий и Тела оно является местом, где на стадии Работы в Белом возникает «живительный свет Квинтэссенции». Обратимся к Гихтелю: «Работа происходит в *сердце*, в котором врата Неба [т.е. оккультных состояний] берут приступом. Душа ищет пути отобрать свою волю у внешних представлений с целью обратить её к Богу в своём центре; покидая всё чувственное и проходя через восьмую форму Огня [лежащую за пределами нижней седмицы и таким образом образующую границу между внешним природным миром и внутренним интеллигибельным миром – см. ч. 1, гл. 15], что требует неимоверного усилия, кровавого пота [«гераклов труд» «разделения»], поскольку Душа теперь должна бороться и против Бога [чтобы сохранить себя и не раствориться в Свете], и против человека [дабы в то же время преодолеть человеческое состояние]». ⁴⁶⁸ Он же говорит, что «жизнь Души возникает из вечного внутреннего Огня», имеющего своим центром *сердце* и поглощаемого огненным Драконом; а также рассказывает о скрытой Святой Жизни Света, бездействующей и неосязаемой в природном человеке, коя, будучи пробуждена, подавляет сумрачный Огонь и устанавливает в сердце духовную ясность, разбивающую цепи, которыми древний Дракон опутал Солнечный принцип. ⁴⁶⁹ Этот Свет Гихтель в конечном итоге соотносит с Водой и Женщиной (Девой, Софией), «полностью извлекающей Душу из Тела и заставляющей её пересечь море огненной воды», ⁴⁷⁰ связь коего с *Морем Крови* Бернара Тревизанского и символическим Красным Морем очевидна.

⁴⁶⁸ G. Gichtel, *Theosophia Practica*, II (5); Intr. §8; I, 53.

⁴⁶⁹ Op. cit., II, 6, 12, 13, 51, 54. См. также Бёме, *Аврора*, XXV, 98; XI, 68, 70: «Небо сокрыто в сердце» [В оригинале у Бёме: «...Свет проникает через сокровенное небо сердца...» – Прим. пер.]. «Небесные врата отверзаются в моём духе: тогда дух видит божественное и небесное существо; не вне тела, но в роднике сердца восходит *молния* в *чувствительность* мозга, где дух созерцает... Но когда молния бывает пленена в роднике сердца, то она восходит в семи источных духах в мозг, как *утренняя заря*; и в ней-то цель и знание».

⁴⁷⁰ Ibid., IV, §§98, 99. Гихтель, описывая этот опыт, говорит: «Внезапно мой дух ощутил сильный удар, и я упал на землю» (III, 50), что было бы интересно сравнить с выражением *смерть сердца*, встречающимся у так называемых «Fedeli d'Amore»: в *Vita Nuova* «Любовь» пробуждает спящую «Возлюбленную» и даёт ей вкусить *сердце* Данте; у Лапо Джанни, когда появляется «Дама», несущая «привет», «сердце, которое было живо, умирает» (см. L. Valli, op. cit., pp. 159, 277) – также см. герметическую максиму «Убей живое, оживи мёртвое».

Кроме того, согласно Космополиту, Вода находится в центре сердца символических металлов.⁴⁷¹ В *Книге Милосердия* внутренний голос, проявляющий себя как видимое откровение, заявляет: «Я свет твоего чистого и сверкающего сердца».⁴⁷² Наконец, *Герметический Свод* призывает сохранять ясность ума и открыть «глаза сердца»,⁴⁷³ что можно уподобить интеллектуальному перерождению – *пнемь Энеит* – эквивалентному рождению из Вод или рождению Девой и завершающемуся пробуждением сознания «срединного места» (см. ч. I, гл. 21).

В любом случае, здесь совершенно очевидно соответствие герметического учения другим инициатическим традициям. В Упанишадах, например, сказано, что союз двух божеств – божества справа, символизирующего огонь, и божества слева, представляющего свет, – в андрогине осуществляется в «эфирном пространстве сердца»; там «дух сознания, который весь – свет и бессмертие», «видящий, но невидимый, знающий, но непознаваемый», сияет внутри человеческого сердца, поскольку сердце – его обитель, где – после того, как спали цепи сна телесности – он сам становится светом.⁴⁷⁴ *Пуруша*, «Внутренний Человек», бдящий над спящими («вечная стража», «бодрствующая интеллигибельная природа»), является истинным светом и амброзией: тот, кто был извлечён из тела, как кинжал из ножен, «постоянно пребывает в сердце».⁴⁷⁵ Соответствие между местоположением сердца как Доминатора и «дамбой, удерживающей мира в определённых пределах, чтобы они не вверглись в хаос»,⁴⁷⁶ отражено в каббалистическом высказывании: «Сердце в организме как Царь на войне».⁴⁷⁷ С другой стороны, ассоци-

⁴⁷¹ *Novum Lumen Chemicum*, IV, 24. Данте говорит о «Духе... который обитает в потайной камере сердца» (*Vita Nuova*, II).

⁴⁷² *СМА*, III, 135.

⁴⁷³ *Герметический Свод*, IV, 11; VII, 1.

⁴⁷⁴ *Brihadaranyaka-Upanishad*, IV, ii, 2-3; II, v, 10; IV, iii, 7-9; II, i, 15. В последнем пассаже дух, который переходит в состояние, соответствующее сну, называется «Великий Царь Сомы в белоснежных одеждах», что имеет соответствие со стадией *albedo* в герметике.

⁴⁷⁵ *Katha-Upanishad*, II, v, 8; II, vi, 17. См. также *Bhagavat-Gita*, XV, 15; XIII, 17.

⁴⁷⁶ *Brihadaranyaka-Upanishad*, IV, iv, 22.

⁴⁷⁷ Ср., напр., Bonaventura, *Vitis Mystica*, с. III; Иоанн Златоуст, *Наставления*, 84, IX; *Zohar*, I, 65a; также слова Миларепы (*Vie de Milarepa*, Paris, 1925, pp. 141, 173, 226): «Преклоняю колени... в горном монастыре, который находится в моём теле, в храме моей груди, на вершине треугольника моего сердца». «В пустынном гроте [ср. «пещера Меркурия» и «пещерообразные» сердечные камеры] я преобра-

ации между сердцем и символическими «дворцами» и «храмами»,⁴⁷⁸ как в Каббале, так и в некоторых средневековых христианских текстах, могут пролить дополнительный свет на те места в герметической литературе, где мы находим эти символы.

Впрочем, нам также можно обратиться к общему традиционному учению, согласно которому в момент смерти, смертельной опасности или смертельного ужаса, вся жизненная энергия диффундирует через тело в направлении сердца, вершина коего начинает излучать сверхчувственный свет, посредством какового дух «ускользает».⁴⁷⁹ После всего сказанного следует напомнить, что процесс инициации является тем же процессом, который у других вызывает смерть, сие подтверждает наличие связи между местоположением сердца и «местом преображения», где инициат достигает «триумфальной смерти», завоёвывая бессмертие, и возвращает себе «Дерево» и «Женщину». Как только цепи сердца, «препятствующие перерождённым увидеть свет», оказываются разбиты, и устанавливается контакт с тем, чему сердце являет символическое соответствие в физическом организме, происходит опустошение, истончение, раскрытие, просветление в ощущении крови, через кое обретается «духовная кровь», без которой, согласно Артефию, ничего нельзя достичь; это андрогинный Меркурий *par excellence*, обладающий в сухом пути силой «Воды Живой, коя орошает Землю и заставляет её плодоносить».

зую метемпсихоз в освобождение. В монастыре твоего тела твоя сильная душа будет храмом, где воссоединятся боги, объединённые просветлением... святым дворцом, областью чистой идеи» (ср. с «царским покоем» Филалета).

⁴⁷⁸ Сефер Йецира, гл. 7.

⁴⁷⁹ См. Agrippa, *De Occulta Philosophia*, III, 37; *Brihadaranyaka-Upanishad*, IV, iii, 8; IV, i, 2.

ПРОМО-ВЕРСИЯ!

Страницы 178-186 недоступны.

<http://www.terrafoliata.ru>

Глава 11. Путь Венеры и радикальный путь

Для описания влажного пути герметика очень часто использует половую символику, что даёт определённые основания подозревать эту традицию в знании иной разновидности «едких вод», имеющей отношение к разрушительной силе женщины, которую последняя проявляет по отношению к мужчине, соединяясь с ним в амальгаме любви и полового акта. Как и в случае сомы, здесь можно сказать, что Дама Философов (символ жизненной силы) в какой-то момент перестаёт быть «познаваемой»: тогда земная женщина используется как средство приближения к ней, благодаря головокружениям и экстазам *эроса*, возникающим при взаимодействии двух полов.

В этом состоит смысл определённых «операций двух сосудов», энигматически упоминающихся в алхимии; эти два сосуда являются телами двух людей различного пола, которые содержат два герметических принципа, в случае иных алхимических практик приготавливаемых и соединяемых в одном существе: активный и пассивный, сила золота и влага, притягательная и приятная, коя «растворяет» «замкнутость», характерную для первой. Таким способом можно дать реальную, не символическую, интерпретацию высказываниям вроде «Наше телесное Золото как бы мертво до того, как соединится со своей супругой. Только после этого начинает развиваться внутренний и тайный Сульфур»,⁵¹⁰ и «вместе с Сульфуром Венеры исправляется, укрепляется и приходит в соответствие с идеалом внутренний Сульфур человека».⁵¹¹ На данном плане фазы возгонки, произведённой в ходе экстрак-

⁵¹⁰ Philalethes, *Introitus Apertus*, cap. I [В оригинале у Филалета этот пассаж звучит следующим образом: «Итак, наше телесное золото мертво, пока не соединится со своей супругой, с которой Сульфур коагулирует и, будучи в золоте снаружи, обращается вовнутрь. Так скрывается высота и проявляется глубина». – Прим. пер.].

⁵¹¹ *De Pharmaco Catholico*, XIII, 1, 5. Брачческо (*Espositione*, fols., 56b, 63a) говорит о двух Сульфурах: один – Венеры, другой – Марса (читатель уже имеет определённую практику перестановки символов). Также Венере (женщине) соответствует Сульфур, являющийся сосудом (телом) для себя самого. О другом пути, где кроме этого действует лишь внутренний жар, Филалет (*Introitus*, с. XIX) говорит следующее: «Другая работа делается при помощи обычного Золота и нашего Меркурия, которые в течение долгого времени нагреваются на жарком пламени, помогающем им свариться вместе при содействии Венеры так, чтобы из них выделилась субстанция, каковую мы называем лунным соком [☾]. Нечистоты следует отбросить и взять только наиболее чистую составляющую». Таким путём получают истинный Сульфур, кой соединяют с Меркурием (фиксация белого, см. гл. 14, ч. II и далее), а затем с «его собственной кровью» (Работа в Красном).

ции, а затем захвата и фиксации (как мы уже видели на примере символа отсечения крыльев Дракона, совершающего полёт в эфирных высотах, и победы над Быком в конце его яростного гона), можно распознать в алхимико-каббалистических текстах, где говорится об ударе копья Финееса (*Числа*, 25),⁵¹² «пронзившего их в момент союза в их *locis genitalibus*, солнечного Израильянина ☉ и лунную Маданитянку ☾... Этот наконечник или сила Железа, воздействуя на материю, очищает её от всякой мерзости. Израильянин ☉ здесь не что иное, как ♂, мужской Сульфур [в обычном состоянии]; под Маданитянкой ☾ мы должны подразумевать Сухую Воду ♁ [в данном случае, вероятно, аллюзия на осушение «излишней влаги», которую путём соответствующего приготовления женщина приобрела в своих ощущениях и способности чувствовать], смешанную как надо с *красным* Марказитом или Рудой. Копьё Финееса не только убивает мужской Сульфур ♂, но также умерщвляет и его женщину ☾; они оба погибают, смешивая свою *кровь* в едином акте порождения [более сверхприродном, чем физическом]. Тогда проявляются чудеса Финееса [представляющего оператора]».⁵¹³ В *De Pharmaco Catholico* также говорится о выделении горячего солнечного Меркурия из рудника Венеры посредством Винного Камня (каковой эквивалентен хаосу, растворяющей силе символического «сгорания») и Соли аммония,⁵¹⁴ чья способность сжимать, в отличие от первого, может принимать

⁵¹² Соответствующий библейский пассаж звучит так: «Финеес, сын Елеазара, сына Аарона священника, увидев это, встал из среды общества и взял в руку свою копьё. И вошел вслед за Израильянином в спальню, и пронзил обоих их, Израильянина и женщину в чрево её: и прекратилось поражение сынов Израилевых». – Прим. пер.

⁵¹³ *Aesch Mezareph*, с. V (цитата у Элифаса Леви). Каббала содержит много других намёков, относящихся к эзотерике пола. См. напр. *Zohar*, I, 55b: «Святой – хоть и благословен – выбирает место для жизни там, где мужское и женское соединены», поскольку конъюнкция в оккультном смысле означает состояние духовного андрогина, разрушенное «грехом» (отлучение от Дерева и от Женщины).

⁵¹⁴ Конечно, здесь речь не идёт о химическом хлориде аммония. Этот термин принимает различные герметические значения в зависимости от контекста. Как правило, он представляет компост на стадии сублимации (Пернети) или растворения (Руланд), то есть в большей степени *временную фазу*, чем субстанцию. В данном случае следует иметь в виду Философскую Соль, а также наступление *альбеда*. – Прим. пер.

значение упомянутого «удара копья».⁵¹⁵ И если герметические тексты часто говорят о смерти, следующей за *конъюнкцией*, «соединением», это, возможно, также относится к травме, возникающей на пике совокупления и оргазма, подчинённым определённым режиму.

На самом деле, в силе порождения явно заключена сама сила Жизни, и речь идёт о том, чтобы заставить её врасплох, остановить и завладеть ей в тот момент, когда она обращается к порождению иной сущности и оказывается как бы нагой, в неиндивидуализированном состоянии, так как она не может перейти из одной сущности в другую, хотя бы на миг не оказавшись в неиндивидуализированном и свободном состоянии. Но это состояние само по себе представляет «ядовитый» аспект Меркурия, который убивает. Таким образом, оказывается возможным найти в половом акте условия, аналогичные тем, при коих осуществляется инициация в форме активной смерти. Отсюда двойной аспект Любви и Смерти, характерный для некоторых античных божеств: Венера, как Либитина, также является богиней смерти: «*Mortis et vitae locus*»,⁵¹⁶ – гласит римская надпись, посвящённая Приапу.⁵¹⁷ Слияние различных значений находит своё завершение в индуистском понятии *кундалини*, каковая является одновременно Богиней и «змеевидной силой», ответственной за телесную организацию и поддержание тела, что коренится в основании пола и проявляется при смерти или разделении, которую йоги используют для преодоления «порога Брахмана» и прорыва на «Царскую Дорогу».⁵¹⁸

В алхимических текстах мы можем найти и другие аллюзии, которые используют силу, проявляющуюся в человеке как сексуальность, в особенности в случае более-менее прямых отсылок к Сатурновому или Аммоние-

⁵¹⁵ См. также рецепт, приведённый в *Gran Libro della Natura* (cit., 128): «Чтобы разрушить металл, следует его раскалить, а затем опустить в Воду». Плотин (*Энеиды*, III, v, 8), к сожалению, в весьма путанной форме, высказывает предположение, что амброзию надо понимать как пьянящую силу, которая вращается вокруг себя самой, не переходя ни во что другое. Когда воздействие останавливающей силы (удара копья) на желание вызывает этот эффект, *amor* (эрос) трансформируется в *a-mors* (отрицание смерти, амброзия), если воспользоваться фонетической ассимиляцией, характерной для эзотеризма трубадуров.

⁵¹⁶ Место жизни и смерти (лат). – Прим. пер.

⁵¹⁷ J.J. Bachofen, *Urreligion*, cit., I, 263.

⁵¹⁸ Герметическое выражение «царская дорога» в точности встречается в этой традиции. См. *Hatha yoga pradpika*, III, 2-3 (коммент.) [«Сушумна становится главным путём прохождения праны, и ум освобождается...» (санскр.) – Прим. пер].

вому Сульфору, что спит в нижнем средоточии Υ (см. ч. I, гл. 21) и соответствует «Отцу» (по Гихтелю), а также к Дьявольской Селитре $\textcircled{\text{P}}$, являющейся «магическим огненным ключом», равно как и противоборствующей, разрушительной силой для другого, внешнего Сульфура (см. *De Pharmaco Catholico*). Однако, когда подобная сила интегрируется в процесс Делания, более нельзя говорить о влажном пути; хотя «влажная» методика в определённой степени здесь всё же присутствует, теперь мы имеем дело с путём, который может быть назван *сверхсухим*, поскольку он напрямую ведёт к завершающей фазе «в Красном», перескакивая через все промежуточные стадии, непосредственно поражая Материю огненной молнией, скрытой внутри теллурической и сатурновой сущности и некогда повергшей Титанов.

Это гибельный путь. Гебер именует его «равновесием Огня» и характеризует как путь «наиболее трудный и опасный», а также называет «быстрой и стремительной царской работой»; Мудрецы предполагали его только для Принцев, имея в виду необходимость особой квалификации и врождённого «благородства». ⁵¹⁹ Среди четырёх путей, упоминаемых Андреэ, это четвёртый, коим «ни один человек не может достичь Царского Дворца»: он «непроходим для смертных, ибо изнурителен, и доступен лишь людям с нетленным телом». ⁵²⁰ Возможно, это то же самое, что и прямое *огненное* пробуждение *кундалини* в соответствии с тантрической йогой, которому предшествует лишь одно «героическое» приготовление – *va-krama* – без «умерщвления» и без «растворения в Белом», то есть не проходя через срединную зону груди (см. ч. I, гл. 21). Общая опасность *смерти* инициата – причём смерти не только как физического факта – в этом случае максимальна. ⁵²¹

⁵¹⁹ Geber, *Livre de Royauté*, CMA, III, 126, 131. Рекомендуется, напротив, «равновесие», получаемое в результате синтеза баланса «Воды» и баланса «Огня»; р. 132: «Если объединить баланс Огня и баланс Воды, результат будет иметь более совершенную форму, хотя Огонь и сам по себе способен привести к завершению».

⁵²⁰ *Химическая свадьба*, стр. 27.

⁵²¹ См. Evola, *Lo Yoga della Potenza*, cit., parte II. В отношении практических аспектов сексуальных методик см. *Introduzione alla Magia*, I, 238 sgg.; II, 329 sgg. Изложение техник, относящихся к магическому, инициатическому или экстатическому их использованию в различных традициях см. в Evola, *Metafisica del Sesso*, Roma, 1969.

Наконец, в качестве смягчённого варианта упомянутого метода мы можем указать другой путь, в определённой степени «андрогинный», сухой и влажный одновременно, относящийся к *героической* инициации в прямом смысле и отсылающий к древнему сакральному значению войны, к изначальному тождеству воина и посвящённого, к *mors triumphalis* как «пути на небо» и т.д. При этом пробуждается несущая и неистовая сила, – *эрос*, сходный с исступлёнными и оргиастическими формами влажного пути, однако же непосредственно обладающий качествами Железа или Марса. Героический порыв технически предоставляет те же возможности, что и порыв мистический, а также оргиастический экстаз и тонкое умерщвление герметической аскезы, однако только когда элемент Марса, путём устранения земляных, водянистых и горючих шлаков, был приготовлен до степени, качественно близкой Золоту и Солнцу, и когда этот порыв настолько интенсивен, что может преодолеть преграды, создаваемые мужественной твёрдостью и границами индивидуальности. Кроме того, этот же путь может привести к «снятию заклатья, сковывающему тело Золота и препятствующему выполнению им мужских функций», следуя не методу, по которому «Огонь действует в высшей степени мягко и умеренно от начала и до конца», но методу, требующему «неистового Огня, сходного с тем, что используется для операции умножения».⁵²²

⁵²² Philalthes, *Introitus*, XVIII [У Филалета «*torriditum Vulcani opera implorare debes*», то есть «следует применять воздействие иссушающего Вулкана». – Прим. пер.]; также Geber, *Summa*, BCC, I, 530. В отношении героического пути, воинской инициации и триумфальной смерти, см. Evola, *Rivolta contro il mondo moderno*, cit., I, cap. 18, 19, где также говорится о технической стороне пробуждения «двойного» Меркурия в опыте воина.

ПРОМО-ВЕРСИЯ!

Страницы 192-277 недоступны.

<http://www.terrafoliata.ru>

*Тот, кто знает о Terra Foliata,
Может забросить книги,
И кто не знает Terra Foliata,
Никогда не научится читать.
(Е.В. Головин)*

TERRA FOLIATA – ЖЕЛАННАЯ И БЕЛАЯ, КАК СНЕГ, ЗЕМЛЯ ОПАВШИХ ЛИСТЬЕВ. Кристаллических листьев, что опали с Древа Знания. Древа, кое уходит корнями своими в Небеса. Древа, чьи побеги составляют великую священную индоевропейскую ТРАДИЦИЮ. ТРАДИЦИЮ, которая, подобно подводной реке, то разливалась наружу широкими потоками, питая великие империи, то была едва заметными ключами, коих, тем не менее, всегда хватало, чтобы напоить жаждущих Знания.

ТРАДИЦИЯ сия отражалась в блеске скипетров великих властителей и сиянии мечей рыцарских орденов. ОНА полыхала в огне алхимических атаноров. ОНА исходит от рун, обретённых Одним, распявшим себя на Иггдрасиле. О НЕЙ радели гностики. О НЕЙ рекли ангелы Джону Ди. О НЕЙ вещает Шакти тантрическому герою.

Издательство TERRA FOLIATA представляет книги,
посвящённые различным аспектам этой ТРАДИЦИИ.
В центре нашего внимания и на страницах наших книг:

**АЛХИМИЯ И ГЕРМЕТИЧЕСКИЕ НАУКИ
ПОИСКИ ГРААЛЯ И ФИЛОСОФСКОГО КАМНЯ
ИНИЦИАТИЧЕСКИЕ ОРДЕНА И БРАТСТВА
ПУТЬ ГЕРОЯ, ПУТЬ ЛЕВОЙ РУКИ ВОСТОКА И ЗАПАДА
ТРАДИЦИОННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
АРИОСОФИЯ И ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ
ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ**

+++++

CONVERTE OCULOS!

www.terrafoliata.ru

info@terrafoliata.ru

Издательство TERRA FOLIATA представляет:

Рене Генон

МАСОНСТВО И КОМПАНЬОНАЖ

Легенды и символы вольных каменщиков

Что же такое масонство – единственный сохранившийся в Европе инициатический Орден или простое вырождение объединений средневековых каменщиков? Ответу на этот вопрос посвящена книга известного французского эзотерика и традиционалиста Рене Генона. Глубокий знаток легенд, ритуалов и символов масонства, автор пытается показать сакральное значение его мистерий и обрядов. Приподнимая завесу над входом в масонский храм, он предлагает читателю самостоятельно ответить на поставленный выше вопрос, волнующий пытливые умы уже не одно столетие.

Научные идеи и масонский идеал

Великий Архитектор Вселенной

Утерянное слово и его заменители

Строители Средних Веков

Каменщики и плотники

Масонская ортодоксия

Гнозис и франкмасонство

Высшие градусы масонства

Женская инициация и ремесленное посвящение

Паломничества

Компаньонаж и цыгане

Херedom

Монограмма Христа и сердце в древних ремесленных знаках

Знаки корпораций и их подлинное значение

Издательство TERRA FOLIATA представляет:

Х.Т. Хансен

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТРЕМЛЕНИЯ ЮЛИУСА ЭВОЛЫ

Первая политическая биография знаменитого итальянского мыслителя на русском языке. Автор, известный австрийский исследователь творчества Ю. Эвола, планомерно обращается ко всем периодам жизни философа на фоне обширной панорамы исторических, политических, культурных событий первой половины XX века. Он подробно останавливается на “беспокойной” теме отношений мыслителя с фашизмом и национал-социализмом, в рамках которой большинство досужих интерпретаторов не только со стороны либералов, но и из традиционалистского лагеря упускают наиважнейшую компоненту – Трансцендентное.

Решающие влияния на взгляды Эвола

Художественные опыты

Философский период

На подступах к политике

Отношение Эвола к фашизму в 1935-1945 годы

Эвола и национал-социализм

Эвола и расизм

Отношение Эвола к евреям

Эвола и неофашизм

ИЗДАТЕЛЬСТВО TERRA FOLIATA ГОТОВИТ К ПЕЧАТИ:

ЮЛИУС ЭВОЛА

МИСТЕРИЯ ГРААЛЯ

Образ Грааля будоражит умы европейцев уже не одну сотню лет. На его поиски отправлялись благороднейшие рыцари и простые мечтатели, снаряжали свои экспедиции могущественные ордена и великие правители. Что же искали они? Чашу, в которую была собрана кровь Христова, или камень, выпавший из короны Люцифера? Святыню или символ высшей власти над миром? Несомненно одно: Грааль есть олицетворение величайшей тайны и открывший её изменится навеки. В путешествие по стопам тех, кто жаждал стать причастным этой тайне, приглашает читателя работа знаменитого итальянского эзотерика барона Юлиуса Эвола. Пресвитер Иоанн и германские императоры, Данте и Верные Любви, тамплиеры и розенкрейцеры предстают на страницах его книги в головокружительном калейдоскопе легенд о Граале, поиски коего суть подлинная инициатическая мистерия. Путь Грааля – путь кшатрия. Тот, кто пройдет его, подобно избранным рыцарям Круглого Стола, приобщится к Божественному и обретёт истинное королевское достоинство.

**ПЕРВЫЙ ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОД ЗНАМЕНИТОЙ РАБОТЫ
ВЕЛИКОГО ИТАЛЬЯНСКОГО МЫСЛИТЕЛЯ!**

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Юлиус Эвола

ГЕРМЕТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Верстка: Сотникова О. И.
Корректоры: Черноусова Е.М., Ходыкина Е.В.

Подписано в печать 12.04.2010 г.
Формат набора 60x84/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,74. Заказ 91. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ГУП ВО
«Воронежская областная типография – издательство им. Е. А. Болховитинова»
394071, г. Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а.

"Герметическая традиция" – это фундаментальное изложение теории и практики Царского Искусства, вышедшее из-под пера известного итальянского мыслителя и эзотерика, барона Юлиуса Эвола. Она стала итогом многолетних исследований и практических занятий автора, объединив интегральный опыт его общения с представителями различных посвященных организаций, собственных экспериментов и бездны прочитанной литературы. С присущей ему эрудицией и интуицией, характерной для аристократов крови и духа, Эвола рассматривает алхимию в широком контексте магических дисциплин и показывает подлинную суть Магистерия как реального инициатического пути, ведущего к освобождению от обусловленности человеческого существования и обретению царственного венца герметического адепта.